

Наталья Васильевна Иващенко
Душевные тайны

Книга первая

Наталья Васильевна Иващенко

Душевные тайны. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571421

ISBN 9785449653819

Аннотация

Главные герои пережили в юности взаимную любовь. Сложившиеся обстоятельства разлучили их. Спустя 25 лет от их последней встречи героиня из любопытства заходит на его страничку в социальных сетях. На следующий день ей приходит письмо. Завязывается переписка. Через время герой приглашает ее на свидание. Для того, чтобы увидеться, ему придется преодолеть больше тысячи километров. Перед встречей она пишет письмо, где описывает ему прошедшую жизнь и предлагает заглянуть в самые потаенные уголки души.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	8
Глава вторая	28
Глава третья	39
Глава четвертая	52
Глава пятая	59
Глава шестая	69
Часть вторая	76
Глава первая	76
Глава вторая	80
Глава третья	86
Глава четвертая	92
Глава пятая	98
Глава шестая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Душевные тайны

Книга первая

Наталья Васильевна
Иващенко

© Наталья Васильевна Иващенко, 2019

ISBN 978-5-4496-5381-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5382-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Здравствуй, моя первая любовь.

Когда я случайно увидела тебя в друзьях у двоюродной сестры на странице одной из социальных сетей, то совсем не имела намерений вернуться в твою жизнь и не предполагала, что ты все еще помнишь глупую наивную девочку из далекого прошлого. Мне просто было интересно, каким ты стал, кто прошел через годы рука об руку с тобой, есть ли у тебя дети.

Ты прекрасно выглядишь на всех фото. Улыбчивое лицо довольного жизнью человека. Рядом красивые женщины – твоя жена и взрослая эффектная дочь. Счастливая семья. По пейзажам на фото видно, что ты побывал в удивительных местах. Похоже, твоя жизнь удалась.

Будучи далекой от тонкостей общения в сетях я даже не представляла, что мой визит не останется незамеченным. Закрывая страницу, я искренне была уверена, что больше никогда не зайду туда еще раз, и даже не думала тревожить старые чувства. Ни свои, ни твои. Хотела только узнать, как ты живешь, нашел ли свою судьбу и счастье, увидеть, каким ты стал. Ведь столько лет прошло.

На следующий день от тебя пришло первое письмо. Это было так странно. Когда я отчаянно ждала ве-

сточки, ты молчал. Чтоб решиться на это, тебе понадобилось двадцать семь лет. Целая жизнь...

Я не планировала переписку, и точно не ждала известий от тебя. Сердце забилось. Правильнее всего было просто оставить письмо без ответа. Но любопытство взяло верх. Устоять перед таким соблазном было невозможно. Мне хотелось узнать, как ты провел эти годы, чего достиг, кого любил. Понять, КЕМ ты стал, осталась ли в тебе частичка паренька из моей юности, которого я так сильно любила?

Ты за тысячи километров. У меня ранний вечер, а у тебя глубокая ночь. Но ты не спишь, утомленный напряженным рабочим днем, ты пишешь ничего не значащие письма недосягаемой и практически незнакомой тебе женщине. Обычный треп. Как ты, как я. И вот уже длительное время, выключая компьютер, последнее сообщение я пишу тебе, желая спокойной ночи.

Все было вполне невинно, но ты захотел личной встречи, и готов преодолеть тысячи километров, как когда-то делала я. Только сейчас расстояние между мной и тобой в разы больше. Я понимаю, что такие путешествия не совершают ради праздного любопытства, и это значит, что все эти годы я все же жила в твоём сердце. Тебе недостаточно простой переписки, ты хочешь взглянуть в мои глаза, прикоснуться к руке и узнать, что ты испытываешь – забьется твоё сердце

или ты поймешь, что всю жизнь любил лишь образ, и стоящая рядом женщина абсолютно тебе безразлична. Я в этом практически уверена, ведь и сама задаю себе такие вопросы. Если я права, и твое сердце замирает в ожидании свидания, прочти это письмо, а потом решишь, хочешь ли проделать столь долгий путь.

Как странно, мы расстались, так и не сказав друг другу последнего «прощай». Я просто уходила, любя всем сердцем, а ты стоял и смотрел, не сделав ни одной попытки все вернуть. Наверное, тогда ты так и не смог мне поверить. Мнение посторонних людей имело для тебя больший вес, чем слова любимого человека. Ты даже не попытался узнать правду, и это было очень, очень больно...

За 29 лет до этого...

Глава первая

Как я ждала лета! Просто обожала это время года. На самые длительные каникулы родители отправляли нас с сестрой в деревню к бабушке набраться сил, здоровья, попить парного молока и, конечно же, до синевы на губах плескаться в речке. Мечта...

Бабуля жила далеко. Целых восемьсот километров. Виделись не часто. Раз в году. Мы добирались сутки. Но зато почти целых три месяца полного разгильдяйства. Чем заниматься городским детям на каникулах в деревне? Наслаждаться жизнью!

К бабушке я ездила с сестрой Надей. Она была старше на три с хвостиком года. Еще одна сестра (двоюродная) такого же возраста ждала нас там. Её звали Лида.

В то время мне шел пятнадцатый год. Вот уже три года сестры по вечерам ходили в сельский клуб на танцы. Меня, конечно же, не брали с собой. «Мала еще», – звучал неизменный ответ. Было до слез обидно, ведь все остальное время мы проводили вместе.

– Вот вырасту, сама ходить буду. А вас с собой не возьму, хоть и просить будете, – бурчала, надув губы.

– Твои женихи еще не выросли. С кем ты танцевать будешь? – сестры заливались хохотом.

На такой аргумент у меня ответа не было, и сестрички убе-

гали гулять. Но в этот год все изменилось. Девчонки наводили марафет, а я, по привычке надув губы, сидела и наблюдала.

– Что сидишь? На танцы идти не будешь?

– А что? Можно? – не поверила я.

– Женихи подросли. Ждут тебя, не дождутся. В очередь выстроились – выбирай любого, – хохотнула Лида.

Я не могла поверить своему счастью. До женихов мне никакого дела не было, но я ужасно любила танцевать. Сердце ликовало. Ура! Я иду на танцы!!! Впервые в жизни!

Родители у нас были строгие, и ни о каких развлечениях в городе речи идти не могло. Даже сестра не ходила на танцплощадку. В летнее время нам разрешали гулять до девяти, а в зимнее до восьми. Опоздание наказывалось строго. Опоздала на минуту – день ареста, на две – два дня. Так что мы мчали с гулянок домой быстрее ветра. То ли деревня! Свобода. Гуляй сколько хочешь. Лишь бы поесть прибежали.

С сестрами мы были очень дружны. С детства Надюшке пришлось присматривать за мной, и в процессе мы полюбили друг друга преданной сестринской любовью.

Я очень быстро выросла, видимо, тянулась за старшими. В свои четырнадцать выглядела минимум на семнадцать. Кареглазая шатенка, с шевелюрой длинных волнистых волос заплетенных в косу, с прекрасной спортивной фигурой, бойкая, по-юношески строптивая я давно пользовалась популярностью. Мальчишки штабелями укладывались у моих

ног. Но в то время я еще не понимала их интереса и думала, что мы просто друзья.

Собраться на танцы было делом нескольких минут.

– Ты глаза неодинаково накрасила. И кляксы под веками насадила, – сказала Лида, поправляя мой макияж.

– Смотри, так все женихи разбегутся. Испугаются, – подначивала Надя.

Но мне ничто не могло испортить настроения. Новенькая моднящая юбка-мини открывала стройные ножки, американская водолазка с «брюликами» (наряды отец всеми правдами и неправдами доставал для любимых дочек) приятно холодила тело, а новенькие туфли на высоких каблуках приводили меня в состояние щенячьего восторга. Такой наряд был непривычен, и от этого возбуждение только нарастало. Ради первого похода на танцы я была согласна даже пожертвовать удобством и забросить в угол любимые привычные джинсы.

– Ну что вы копаетесь. Пошли уже, – моему терпению приходил конец.

Сестрички все красились, выбирали наряды, а я сгорала...

– Наташа, ещё рано. Дискотека начинается в одиннадцать, а сейчас только девять.

– И за нами зайдут ухажеры, – подкрашивая губы, обозвалась Надя.

Новость меняла дело. Парней своих сестер я прекрасно знала. Это были отличные ребята. Мы вместе провели все

прошлое лето. Обожала, когда они приходили на речку. Тогда начиналось веселье. Соединив руки, друзья подбрасывали меня так высоко над водой, что дух захватывало.

Надежда была взволнована. Ведь она не видела своего любимого целый год. Это сейчас расстояние не помеха. По скайпу можно видеться хоть каждый день, а у нас была только почта и пункт межгородских переговоров.

Атмосфера ожидания чуда охватила всех нас. Девчонки ждали женихов, а я даже не знаю, чего. Просто ждала и ждала, когда же, наконец, мы пойдем на танцы.

И вот ребята пришли. По привычке я с разбега бросилась обниматься. Как же, не виделись целый год! Но что-то в их лицах остановило меня.

– Тьфу ты. Да это же Наташка! – лицо Вани, Надиного парня расплылось в улыбке.

– Вот это да! Да ты выросла! Стала настоящей красоткой! – вторил ему Дима, жених Лиды.

Ваня раскрыл объятья.

– Местные парни умрут от зависти, когда узнают, что я тебя обнимал, – он крепко меня обнял и по-отечески поцеловал в лоб.

Впервые в жизни я услышала комплименты. Восхищенные взгляды и смущали и радовали. На мгновение я почувствовала себя взрослой.

– Ну, все. Хватит смущать ребенка, – Надя подхватила Ваню, – Пора идти.

– Сережка просил зайти за ним, захватить по дороге, – Дима взял нас с Лидой под руки и мы, наконец-то, вышли со двора.

Дорога к клубу проходила через дом Серёжки, друга детства. Он был дальним не кровным родственником, «седьмая вода на киселе». Все детство мы вместе были соучастниками проделок, инициатором которых чаще всего выступала я. Мы вместе пасли коров, лазили в соседские курятники погонять кур. А однажды бросили пачку дрожжей в туалет злющей (как нам тогда казалось) бабы Вали. Тогда я впервые услышала, как моя любимая тетка ссорится с соседкой, доказывая, что её девочки такого сделать не могут. А потом долго и тихо читала мне мораль о правилах поведения в деревенском обществе. Да, это был «старый» друг. Нас связывали годы. Серёжка учился старше меня на два школьных класса.

– Интересно, а Серега тебя узнает? – спросил Дима.

– Давайте его разыграем. Скажем, что Надя привезла подружку. Познакомим их. Вот смеху будет, – Ваня уже разрабатывал план очередного розыгрыша.

– О чем вы говорите! Чтоб Сережка меня не узнал? Быть такого не может.

– Натали, сейчас темно, а ты так изменилась. К тому же он не ждет увидеть свою маленькую подружку идущей на танцы поздним вечером. Собирался к вам завтра утром, – Ваня усмехнулся, – Жаждет встречи с малявкой-пацанкой.

– Да-да. Он и пачку дрожжей уже приготовил, – хохотнул

Дима.

История про туалет бабы Вали, казалось, будет жить в веках.

– А спорим, что узнает, – юношеская задиристость и максимализм брали верх.

– А спорим. На что? – Ваня взял меня за руку.

– Если выиграю я, то вы отвезете меня на танцы в Курортное.

– А если я, то ты споешь там с ансамблем.

– Согласна!

О танцах в Курортном ходили легенды. Местная молодежь валила туда толпами. Пешком идти было далековато, километров десять. Транспорт не ходил и счастливицы с мотоциклами возили избранных. Да там и впускали не всех желающих. Хотя я неплохо пела и играла на гитаре, понимала что выступать перед такой огромной аудиторией, да еще и без репетиций не то же самое, что орать песни под гитару на берегу речки.

Все произошло так быстро, что я не успела испугаться. Да и была твердо уверена, что друг детства не может меня не узнать. Мысленно я уже танцевала на знаменитых танцах.

– Разбивайте! – Ваня поднял наши руки, – Любимая, ты будешь свидетелем.

– Свидетель тоже поедет на танцы! Должна же я проследить, чтобы условия спора были соблюдены, – Надежда с готовностью перебила руки.

– Мы тоже свидетели, так что без нас не обойдетесь, – Лида поняла, что в любом случае остается в выигрыше.

– Только одно условие, – Ваня довольно потирал руки.

– Мы уже поспорили. Никаких условий! – твердо сказала я.

– Ты изменилась, а голос нет. Поэтому для чистоты эксперимента ты будешь молчать. По-моему, это честно, – Ванька обижено поджал губы.

– Ну ладно. Я согласна. Условие принимается.

За невинным трепом и взаимными дружескими поддевками дорога к дому друга детства пролетела незаметно.

Сережка был готов и ждал нас во дворе.

– Серега, выходи. Тут Надюшка свою подружку привезла. Девочка – закачаешься. С тобой, по-дружески, первым познакомлю.

Мы остановились в сторонке от калитки.

– Ну, давай, знакомь. А то тут и погулять не с кем. А Наташка приехала? – подходя к нам, ответил Сергей.

– Наташка не приехала. Провинилась и родители наказали. Будет все лето дом убирать и посуду мыть.

– Ты шутишь, такого быть не может. Решила разыграть? – Сергей пожал парням руки, а девчонок чмокнул в щеки.

– Знакомься, это Света.

Сережка очень изменился за этот год. Стал высоким, плечистым парнем. Юношеская угловатость исчезла, в движениях появилась уверенность. Момент первой встречи я про-

пустила. Опустила глаза, пряча смех. Протянула руку для знакомства. Он стоял неподвижно, и не отрывая взгляда, смотрел на меня.

– Давай познакомимся, Света. Я Сергей. Очень приятно, – он нежно пожал мою руку.

Раздался громкий хохот.

– Ну, ты, Сережка, это же я! Из-за тебя спор проиграла. Как ты мог меня не узнать? А еще лучший друг! – я ткнула ошарашенного дружка кулаком под ребра.

– Разве тебя узнаешь? Такая деваха выросла. И на что спорили? – в голосе Сергея слышалась и радость, и восторг, и что-то еще, о чем я не имела ни малейшего представления. Как ни странно, привычных дружеских обнимашек не последовало. Я даже обиделась.

– Хотела попасть в Курортное на танцы, – топнула ножкой я.

– Хотела – попадешь. Чего расстроилась? Только спеть придется, – Димон толкнул нас в спины.

– Серёжка, предложи даме ручку. А то не только в Курортное, а и в Андреевку на танцы не попадем. На полфильма уже точно опоздали, – Лида схватила Димку под руку и зашагала вперед.

В те годы единственным культурным развлечением сельской молодежи был поход в кино. Фильмы привозил сам зав. клубом раз в неделю. Места на задних рядах занимали старшие ребята – местная элита. Никто не осмеливался сидеть

на рядах для поцелуев без их разрешения. Только они могли входить и покидать зал во время сеанса. Они же и крутили дискотеку.

– Ну вот! Я же говорила, что надо идти быстрее! Теперь в зал не пустят, – я действительно расстроилась.

– Натали, ты же с нами. А у нас вход свободный, – Ваня горделиво поднял нос повыше.

– И ты же хотела на танцы. Про кино разговора не было. А танцы – после фильма, – сестра ласково погладила меня по голове.

– Кино посмотреть тоже неплохо было бы, – пробурчала я. Но в душе ничто не могло омрачить моей радости. Первый поход на танцы будоражил, и кровь бурлила в жилах. Сережка, осторожно поддерживая меня за локоть, шел молча, что было совершенно не похоже на мальчишку, которого я знала. Я недоумевала. Ведь год не виделись, а он даже не спросил как дела. Мозг лихорадочно искал тему для разговора, но в голову ничего не приходило.

– А ты сильно изменилась. Всего год прошел и такие метаморфозы, – наконец-то подал голос старый друг.

– Это ты изменился, а я всё та же. Ну, волосы немного подрезала и вместо косичек хвост завязала. Тебе нравится моя новая прическа?

Разговор не клеился. Обычно мы трещали без умолку. Но сегодня все было не так, как всегда.

– Ты действительно меня не узнал?

– Конечно, нет. Я и сейчас не могу поверить, что это ты. Даже обидно.

– Ты что, обиделся, что мы тебя разыграли?

– Нет. Обидно, что ты не незнакомка Света. Хотел познакомиться, может любовь закрутить. А тут такой облом, – в его голосе слышалось разочарование.

– Какая-то незнакомая Света тебе дороже старого друга?

– Ты же просто друг, а с городской Светой можно было любовь закрутить, на сеновал затащить, сиськи помять.

В его голосе звучала насмешка и пренебрежение, и я никак не могла понять, дразнит он меня или говорит серьезно. Я не знала, разозлиться мне или посмеяться над его издевкой.

– Натали, ну что надула губы? Как маленькая. Я так рад, что ты приехала. Когда Надюха сказала, что моя подружка строго наказана у меня от расстройства чуть сердце не выскочило. Как хорошо, что мы снова вместе.

Сергей вдруг остановился и, резко развернув меня, крепко прижал к себе.

– Я так соскучился.

В его голосе прозвучали незнакомые нотки. Он все стоял и не разжимал объятия.

– Ты мне нос зажал. Дышать нечем, – пропищала я.

Громко засмеявшись, Сергей сразу же отпустил меня. Его глаза озорно блеснули.

– Побежали всех догонять. Смотри, как отстали.

На миг показалось, что не было этого прошедшего года, перемен, и рядом знакомый с детства мальчишка убегает от расправы разъяренных преследователей после очередной проделки...

Клуб встретил нас яркими огнями. На площадке толпилась, возбужденно гудя, молодежь. Сеанс еще не закончился, из зала раздавались приглушенные звуки знакомого фильма. Мы уже видели его в городском кинотеатре, а в далекую деревню новинка докатилась только сейчас.

В зал решили не заходить. Несколько человек подошли поздороваться с ребятами. Я их не знала. Деревня была большая, лежала, на несколько километров растянувшись по берегам извилистой речки с живописными берегами. Хотя каждое лето своего детства я проводила именно здесь, знакома была с детьми только с нашего уголка.

– Надюха! С приездом! Давно не виделись, – парень побратски прижал мою сестру к себе, – Лидон! Всем привет. А это что за длинноволосая фея? Познакомите?

В отличие от меня девчонки были знакомы практически со всеми. Лида здесь родилась и выросла. Естественно она знала все местное население. А Надя уже не впервой посещала это увеселительное заведение и тоже обросла друзьями.

– Это моя младшая сестра Наташа. Наташа, это Миша, наш друг.

Я протянула руку для знакомства. Парень был высокий,

стройный. На вид лет 19—20. Приятное доброжелательное лицо и открытая улыбка располагали к себе. Он мне понравился. Я широко улыбнулась.

– Наташа. Рада знакомству.

– А уж я как рад! Ты прямо глоток свежего воздуха в этом застоявшемся болоте.

Парень всё держал мою руку в своих ладонях. Мне даже показалось, тихо поглаживал её. Его прищуренный испытывающий взгляд привел меня в смущение. Я почувствовала, как лицо заливает румянец. Глаза манили, завораживали. Прямо наваждение. Непонятное волнение теснило грудь. Напряжение все нарастало, даже физически чувствовалось в воздухе. Пауза явно затягивалась. И тут двери зала открылись, и народ повалил в холл.

– Наконец-то! Танцы, танцы! – выкрикнул Сергей и сильно дернул меня за вторую руку.

– Что ты делаешь? Мне же больно, – выдергивая кисть, возмутилась я.

Магия исчезла, уступив место замешательству. Затем навалила волна радостного возбуждения. Я обожала танцевать. В танце я чувствовала себя свободной, как птица. Парни переглянулись.

– Мы отойдем на минутку. Поговорить нужно, – и направились к выходу.

– Я перетанцую все танцы! Ни одного не пропущу! – мои глаза сияли от восторга.

– Наташа! Веди себя спокойнее. Как подобает порядочной девушке. Взрослые люди себя так не ведут. А то завтра по деревне слух пойдет, что какая-то ненормальная от восторга до потолка прыгала. Посмотри, все девушки скромно стоят и ждут. Когда все пойдут танцевать, пойдём и мы.

Старшая сестра была права. Девчонки сбились в небольшие группки и, шушукаясь, посматривали в нашу сторону. Одна из них отошла от стайки подруг и направилась к нам. Подошла, демонстративно смирив меня высокомерным взглядом, кивнула сестрам и так же величественно отошла.

– Чего это она? – от её взгляда мороз прошел по коже.

– Оценивает соперницу. Аня – местная королева. Давно по Мишке сохнет, – Лида явно недолюбливала местный женский бомонд.

– Считай, ты теперь враг номер один. Остерегайся, она ещё та штучка. Змея натуральная.

Настроение явно подпортилось.

– Но я же ничего не сделала.

– А тебе и не нужно было. Мишка редко к кому-то из девчонок подходит. А тебе, малолетке, столько внимания уделил. Так что ты теперь в черном списке.

Все детство я провела в компании мальчишек. Росла сорванцом. Девичье царство с его бантиками, куколками и цветочками, никогда особо меня не привлекало. То ли дело – казаки-разбойники! Бегать по городу, играя в войнушку, было

гораздо интереснее. Мальчишки были честными, прямыми, говорили правду прямо в глаза, а частенько мы сходились в кулачных боях с ребятами из соседского района. При всем этом я отлично училась, и в школе меня ставили в пример. Конечно, у меня были подружки в классе, а дома хватало общества сестры и ее немногочисленных подруг. Я росла прямой и открытой. Женские интриги были мне не знакомы.

– Да не переживай ты так. Все будет хорошо, – Лида прыснула в кулак, – Вот будет смеху. Какая-то писюшка утерла нос великолепной Анне! Эту новость долго будут смаковать в каждом дворе! – настроение Лиды явно пошло на поправку.

Заиграла музыка. Народ в зале зашевелился. Медленный танец. Миша вразвалочку шел в нашем направлении.

– Мишка хочет пригласить тебя. Теперь ты перешла из разряда подозреваемых в преступницы. Этого Анька точно не простит. У нее просто искры из глаз сыплются, – Лида продолжала хихикать.

Меня спас Серёжка. Он возник передо мной из ниоткуда, подхватил за руку и закружил в танце.

Вот это был вечер! Я определённо пользовалась популярностью. Местные ребята в очередь выстроились, заказывая медленные танцы. В деревне на медляк приглашали, заказывая песню. Один танец – 50 копеек. Деньги шли на благоустройство клуба. Ведущий объявлял счастливиц. Называли много имен, но и мое звучало много раз.

Миша больше не подходил. Да и я практически забыла о нем. Вереница лиц (иногда не совсем трезвых, а иногда и совсем не трезвых), имен, потоки несмолкаемых комплиментов – всё смешалось, слилось в один поток бесконечного восторга! Все это было необычным, новым и кружащим голову. Я поняла, что нравлюсь парням. Не как друг. По-другому. Какой девушке не нравится внимание? А я просто купалась в нем. И всё же мои глаза время от времени находили в зале фигуру нового знакомого.

Я веселилась от души. Недавнее приключение с Анной совсем испарилось из памяти. Как оказалось, парни моих сестер, а так же их друзья, – это и есть та самая пресловутая «элита».

Мои сестры были очень красивыми девушками. Надя – сочная шатенка с прекрасными волнистыми волосами чуть ниже плеч. Кудряшки подарила мама. А от папы, уроженца Западной Украины, сына вот этой самой деревни, нам достались густые толстые косы. Отец долго боролся с настойчивыми просьбами дочерей подстричь волосы, но, в конце концов, был найден статус-кво. Наде, как старшей, разрешили подрезать волосы чуть ниже плеч, а мне – ниже лопаток. А нам безумно хотелось сделать модную короткую стрижку «КОРТ» – хит сезона этого года! Но отец был неумолим. Темно-карие глубокие глаза сестры светились добротой. Они излучали счастье. Длинные пушистые ресницы черными стрелами окаймляли это сияющее великолепие. Пыш-

ная грудь в сочетании с тонкой талией производили убийственный эффект. Надя не была худышкой, но обладала потрясающей фигурой и легкая полнота её несколько не портила. Даже наоборот, придавала особое очарование.

У Лиды волосы были цвета спелой пшеницы. Длинные, гладкие, ровные. Ниже ягодич. Они потоками струились по спине, переливаясь золотыми бликами. Тетка с детства купала свою ненаглядную девочку в известных только ей отварах из трав, которые сама собирала. Её невероятной глубины и сияния бирюзовые глаза наповал сражали всех. К такому необычному цвету невозможно было привыкнуть. Золотые жилки сетчатки добавляли её взгляду таинственной загадочности. Можно смотреть часами. Я всегда тайком любовалась ими и по-детски завидовала их обладательнице.

Ресницы были длинные и пушистые. Такого же медового цвета, как и волосы. Искорки заходящего солнца проблескивали в них медью. Потрясающее зрелище! Мне её глаза нравились именно такими, но сестра считала, что ее взгляд не выразителен и подкрашивала ресницы черной тушью. Лида была грациозной высокой девушкой с величественной осанкой. Стройные длинные ноги, открытые чуть выше колен, безусловно, притягивали взгляды...

Неудивительно, что у таких красавиц в женихах оказались одни из лучших парней деревни.

– Натали, к тебе не пробьешься. Ты произвела настоящий фурор. Можно старому другу пригласить тебя на танец?

Вечер подошел к концу. К моему отчаянному разочарованию объявили последний танец. В зале раздался взрыв протеста. Не одной мне хотелось, чтобы вечер длился и длился. Я была счастлива. Взрыв эмоций сменила усталость. Состояние опустошающего удовлетворения разливалось по телу. И в то же время легкая ностальгия вызывала сожаление, что чудесное уже в прошлом, и ты допиваешь из бокала времени последние мгновения этого долгожданного и волшебного События...

Сергей мягко прижимал меня к себе. Из динамиков лилась заграничная медленная песня. Голос то молил, то требовал, то обещал... После восхитительного, но выматывающего вечера, в его объятьях я ощутила спокойствие и расслабилась. Моей голове на его плече было по-домашнему уютно. В состоянии легкой эйфории я тихо кружила в танце с другом детства.

– Я провожу тебя домой? – прошептал Сергей прямо в ухо.

Мне было так хорошо, что я сразу не осознала значение этого вопроса. Да и не ожидала от своего Сережки. Ведь он был моим другом (на Западной Украине предложить девушке провести домой то же самое, что предложить встретиться).

За сегодняшний вечер я отклонила массу таких и деликатных, и откровенно хамских, и робких предложений. В глубине души теплилась надежда, что Миша предложит мне свою

руку в качестве поддержки по дороге домой. Но его нигде не было видно. За весь вечер он так ни разу и не пригласил меня танцевать. Самолюбие успокаивало то, что его вообще не было на танцплощадке. Я видела его мельком лишь несколько раз в холле, на улице и на сцене. По этому поводу сердце терзала легкая досада. Парень действительно вызывал интерес. Не был он похож на остальную пьяную массу, окружающую нас в этот вечер. Мне бы хотелось пройтись с ним под ручку под яркими звездами. Но такого предложения не последовало.

– Конечно, ведь нам же по пути, – расслабленно ответила я.

– Спасибо, спасибо! Малышка моя, я так рад, что ты согласилась! – Сергей крепко схватил меня в объятия, приподнял над землей и закружил, – Боялся, что ты меня отфутболишь, как половину мужского населения этой и ближайших деревень!

Я мгновенно вынырнула из состояния блаженной истомы. Что я наделала! Практически пообещала быть его девушкой! Первым порывом было объяснить, что моё согласие совсем ничего не подразумевало, и я не собираюсь ни с кем встречаться! Но, увидев радость в восторженных глазах, остановилась. Сережка был симпатичным парнем. Выше среднего роста. За время нашей разлуки его плечи раздались, и теперь он выглядел набитым крепышом. Он стал довольно привлекательным парнем. Мы были дружны с детства и я ему дове-

ряла. К тому же, проснувшееся в душе чисто женское любопытство подстрекало узнать друга с иной стороны.

Серёжка поставил меня на пол, все так же крепко прижимая к себе. «А почему бы и нет? Его, по крайней мере, я знаю. Будет, кому домой проводить, сестер напрягать не нужно», – я расслабилась и снова оказалась в нирване...

Последнюю песню ставили самую длинную, и выдавший виды магнитофон все пел и пел. В те времена особой световой аппаратуры не было, да и «выбить» хоть что-нибудь для сельского клуба было практически нереально. Молодежь, как могла, пыталась украсить место проведения своего досуга. Стоял полный мрак. Под потолком зажигались, то по очереди, то срываясь в бешеную скачку четыре фонаря желтого, зеленого, красного и синего цветов. «Элита» слепила их сама, умолив местного участкового достать ценную редкость – стекла от светофора. Недостающий синий цвет получили, соединив два стекла – красное и зеленое. На потолке, тихо поскрипывая, крутился зеркальный шар. Парни сделали его из украденного в школе старого глобуса. Немало крови из порезанных пальцев увидели зеркальные кусочки, пока умелые руки буквально пилили их старым потрепанным стеклорезом, а потом клеили на глобус собственноручно сваренным столярным клеем. Их труды были вознаграждены – шар получился на славу. Потоками света служили два старых фильмоскопа, «под личную ответственность» выпрошенные на вечер танцев у добродушного ди-

ректора той же местной школы. Солнечные зайчики с завидной периодичностью, подчиняясь только своему собственному ритму, проплывали по нашим лицам. «Элита» могла собой гордиться. Золотые руки и светлые головы, объединив усилия, совместно создали довольно сносную по городским меркам и совершенно шикарную по сельским, мигающую без остановки светоиллюминацию. Повеселиться сюда съезжалась молодежь из всех соседних деревень.

Песня закончилась. Зажегся свет, приводя в чувство. От яркой вспышки веки прикрылись. Когда я открыла их – просто провалилась в бездонный колодец черных, так взволновавших меня в начале вечера, глаз. Они гипнотизировали. В них я прочла глубокое сожаление, и от этого защипало в носу. Интуитивно я поняла – что-то сейчас произошло, но не могла понять, что именно. От него снова веяло магией, только теперь она была какой-то грустной. Мгновенье мы не отрывали взгляда. Миша кивнул, его лицо озарила открытая дружелюбная улыбка, он резко развернулся и вышел из клуба.

Глава вторая

Болтовня Сергея пролетала мимо моих ушей. Мысленно я была далеко.

«Что это было? Если я понравились Мише, почему он не пригласил меня? Почему не сказал ни слова? Или мне все приснилось?» Сравнить было не с чем. Полное отсутствие опыта в отношениях оставляло вопросы без ответов. Я была в недоумении. Не понимала, что происходит и почему один взгляд в его глаза приводит меня в такое странное состояние?

Отмахнувшись от надоедливых мыслей, я взяла под руку моего парня, и мы отправились домой.

До клуба от нашего дома было два пути: напрямую через деревню и в обход, околицей. Не договариваясь, выбрали второй маршрут. Зачем дразнить поздней ночью собак, пробираясь по корявой грунтовке? Компашка из шести человек, разгоряченных последними событиями, весело обсуждала мой дебют.

Спустя какое-то время все разбились по парочкам, и пошли в отдалении друг от друга. Мы остались одни. Вечер окутал летней прохладой. Цикады пели громким стройным хором. Звездное небо и полная взошедшая луна хорошо освещали каменистую дорогу. Было прикольно просто идти рядом с плечистым парнем под ручку и переживать произо-

шедшее.

– Тебя прямо раздувает от удовольствия. Хорошо повеселилась? – нарушил Сергей молчание.

– Угу, очень. И все же я так устала. Глаза просто закрываются. Представь, билетов не было, и мы ехали в общем вагоне. Прилечь негде, сидели, всю ночь. С такими классными ребятами познакомилась. Один так играет классику! Гитара поет. Слушала бы и слушала. А потом еще шесть часов на вокзале в зале ожидания в Жмеринке, шесть на электричке и три в гремящем автобусе. Еще и всю дорогу от Курортного пешком прошагали. Ни одной попутки. Я, правда, очень устала. Последние полтора суток были утомительны.

– Говоришь, устала, а так отплясывала. Ни одного танца не пропустила. Я даже ревновал. Но теперь ты моя и такого не повторится.

– Какого такого? – не поняла я. Нотки в голосе насторожили меня.

– Теперь ты танцуешь только со мной. Если танцую я – и тебе можно, а если я не разрешаю, никаких танцев. И в клуб ходить будешь только со мной. Если я не иду, ты тоже остаешься дома!

– Ещё чего. С какой это радости? Я люблю танцевать и мне как-то все равно, чего тебе хочется. Ты чего вообще командуешь? Я сама способна решить, куда мне идти и что делать! – от возмущения даже поперхнулась. Таким тоном со мной никто никогда не разговаривал.

«Командовать» в нашем доме было не принято. Нам не приказывали и не давали указаний. К нам обращались с просьбой. И взрослые, и дети имели право голоса. В нашей семье царило равноправие. Мы не слышали криков. Мама и папа просто указывали на ошибки, выводы мы делали сами. С самого раннего возраста мы с сестрой сами себе определяли наказание. Не помню, когда это началось. Казалось, так было всегда, с самого рождения. Все было по-честному, схитрить не получалось. При оглашении собиралась вся семья. Прокурор, он же обвиняемый, зачитывал самому себе присужденный приговор и совет из трех человек движением большого пальца вверх или вниз выражал свое мнение. Побеждало простое большинство. Если все справедливо – приговор принимался и приводился в исполнение. Ты определила себе достаточное испытание и выучила урок, осознала тяжесть своего проступка, если нет – иди, думай дальше. Уж лучше было сразу все сделать по-честному, чем слушать неодобрительное родительское «Уууууууу».

У отца было наказание для особых случаев. Ничего страшнее мы придумать не могли. Он применял его в исключительных ситуациях. Чаще всего это случалось после визита мамы очередного плачущего мальчишки. Когда потоки жалоб иссякали, отец отвечал: «Я приму меры» и закрывал дверь. Ласковым голосом, садясь на диван, говорил: «Иди сюда, моя девочка. Иди, моя

хорошая. Иди, иди. Я тебя в лобик поцелую». Семь шагов от дверей до дивана казалась дорогой на эшафот. Взгляд отца был просто ледяным. Мы не смели поднять глаз. Ожидание того, что сейчас произойдет, сковывало движения. И чем ласковей был голос, чем холоднее взгляд, тем длиннее казалась ковровая дорожка. Папа брал понурую голову в ладони и действительно целовал в лоб. «Так и делай, моя девочка. Так и делай, моя хорошая! Порадовала папу!», – приговаривал отец, глядя по голове и целуя в макушку.

Это было ужасно! Мы понимали, что папа очень расстроен, но так сильно нас любит, что не может наказать, и количеством незаслуженных поцелуев выражает степень своего огорчения. Я бы предпочла обычную порку. От искреннего раскаянья глаза наполнялись слезами. Мы честно-честно обещали себе глубоко внутри больше так не делать. И не потому, что придется сидеть дома (каждый поцелуй подразумевал один день домашнего ареста), а потому, что огорчили папу. «Ну, пааа. Ну, не надоооо», – слезно просил провинившийся, но не смел отойти, и терпел столько поцелуев в лобик, сколько отец сочтет нужным. Когда чернее черной тучи я возвращалась к моим дворовым друзьям, они с круглыми от ужаса глазами спрашивали: «Ну, что тебе папка сделал?» «В лобик поцеловал. Аж пять раз», – грустно отвечала я и отправлялась домой отсиживать сутки заключения.

Папа никогда не звал нас на разборки, если родители соседских ребят приходили с жалобой об очередной драке.

Только однажды, когда я выбила зуб пареньку из соседнего двора. По пути к нашему дому его мать кричала так, что даже через закрытые окна слышно было все обидные слова. Я прибежала за пять минут до этого, помыла разбитые руки, и, как ни в чем не бывало, уселась у телевизора. Отец читал газету. Раздался звонок в дверь. Он вопросительно посмотрел на меня. Я неопределенно дернула плечами и опустила взгляд. Глаза отца потемнели. Через мгновение щелкнул замок. Крик разъяренной женщины звонким эхом разлетался по всем этажам:

– Ваша дочка выбила Валере зуб. Как ей не стыдно, такая деваха, а ни стыда, ни совести! Так поиздевалась над бедным мальчиком. Вы только посмотрите на него!

Зрелище действительно было ужасное. Тринадцатилетний худой подросток среднего роста. Он всё еще рыдал, размазывая по измазанному лицу слезы. Грязные кулаки оставляли черные разводы. Мать гладила плачущего сына по голове. Я замерла, выглядывая из-за дверного косяка и прикидывала в уме, сколько поцелуев придется пережить.

Как всегда, отец выслушал кричащую женщину, и когда потоки иссякли, бросил в открытую дверь:

– Наталка!

За восемь лет моей жизни такого исключения не было никогда! «Ну, всё! Мне хана! Тут пятью поцелуями в лобик не обойдешься». Четыре метра коридора казались пропастью. Отец поставил перед собой чадо с выгоревши-

ми на солнце косичками и невинным взглядом карих глаз. Спросил: «Вы эту девочку имеете в виду или старшую дочь?»

«Да, да! Это она меня била!» – забился в новом приступе истерики подросток. Пораженная женщина молчала. Я была вдвое меньше его! Она крепко взяла плачущего сына за руку и, молча, повела из подъезда.

– Ты сама всё знаешь.

– В лобик поцелуешь? Десять раз? – обречённо спросила я.

– За что ты его так?

– Он всем рассказал, что я у него машину на батарееках украла. Красную. Ему отец из-за границы привез. И сказал, что зубы повыбивает. Я стерпела, ведь доказать ничего не могла. А вчера он ее из песка откопал и всем сказал, что я испугалась, и закопала ее. Брехун!

– В этот раз я тебя прощаю, но зубы больше не выбивай. Все вопросы можно решать без кулаков. Это называется дипломатия. Выигрывает не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее. Я надеюсь, что в таких поединках ты тоже будешь побеждать.

Отец был справедливым. Отношения в семье строились на взаимном доверии и уважении.

Я была искренне возмущена словами и тоном, которым Сергей все это сказал.

– Но у нас так принято. Все девушки так себя ведут. Позо-

рить меня собираешься? Что бы все сказали, что я – не мужик и девка моя – гулящая? – мой провожатый смотрел настороженным испуганным взглядом, но голос был злым и даже хамским.

– Так не принято у нас! Когда ты предложил меня проводить, ты-то должен был знать, что я – не все! И мне все равно, что скажут незнакомые мне люди. Или это ты считаешь меня гулящей? – внезапная догадка привела в изумление. Сергей молчал. Я выдернула руку и быстрым шагом пошла вперёд. Он меня разозлил, незаслуженно оскорбил и унизил. Некоторое время за спиной было тихо.

– Наташ, ну подожди, – затопали тяжелые шаги. Мой поклонник почти бежал.

– Ну, прости меня. Я дурак. Все будет, как хочешь ты. Чего ты психуешь? – Сергей поравнялся со мной и пошел рядом. Не замедляя ходьбы, я продолжала молчать.

– Ну, пожалуйста, – забежав вперёд, преградил путь, – Я не хотел тебя обидеть. Потерял голову от ревности. Прости, прости, прости...

Умоляющая физиономия рассмешила меня. Конечно, я его простила. Ведь это был мой друг, Сережка, и мы часто ссорились и мирились. Сейчас он был точно мальчишка, нашкодивший, растерянный. И просил прощения.

– Ладно. На первый раз прощается, – моя рука сама по себе поднялась и потрепала его непослушные короткие волосы.

– Никогда не сомневайся во мне. Если я с тобой, то я с тобой. И не важно, с кем я станцевала танец. Это же просто танец. И все. Я очень люблю танцевать.

Недолго думая, Сергей схватил меня за плечи, притянул к себе и просто впился в рот. От неожиданности я опешила. «И это мой первый поцелуй?» Разочарованию не было предела. Целоваться было, по меньшей мере, странно. Я однозначно ждала большего.

– Весь вечер хотел это сделать. Просто сгорал от нетерпения, – обнимая, выдохнул Сергей.

Я ничего не ответила. Просто не знала, что говорят в таких случаях, и как себя нужно вести. В любовных романах, которые я находила в библиотеках знакомых, говорилось совсем о других ощущениях в момент прикосновения к губам парней. «Может, я не умею, а когда научусь, мне это больше понравится»? Осмелев, он обнял меня за плечи, и мы пошли дальше. Я прибавила шагу. Мне хотелось быстрее оказаться дома. Этот вечер утомил меня. Всплеск эмоций схлынул. Столько всего произошло. Первые танцы, первый парень, первый поцелуй. Я не могла разобраться в своих чувствах и ощущениях. Хотелось просто побыть одной. Сёстры совсем пропали с поля зрения, и мы брели в полном одиночестве.

– Давай завтра встретимся на речке? – блаженно улыбаясь, между поцелуями предложил новоиспеченный жених.

– На дамбе?

– На нашем месте.

– Если девчонки захотят. На дамбе лучше. Берег с песком, и понырять с колодцев можно.

– А без девок нельзя?

Я была поражена. Мы всегда гуляли вместе. Пойти на речку без сестер было просто невыносимо. Это даже не обсуждалось.

– Раньше ты не возражал против их присутствия. Разве что-то изменилось?

– Раньше мы были просто друзья. А теперь я хочу проводить время наедине с тобой.

– Но всем вместе веселее. Мы не ходим купаться на реку друг без друга. Только вместе. Ты же знаешь, тетка не разрешает, а обманывать ее я не стану. Погуляем вдвоем вечером после танцев.

– Зачем мне компания? Будем ты и я. Завтра, как пойдете на речку, выходи с девчонками из дома, а там они пусть идут на дамбу, а ты приходи ко мне. А вечером зайдешь за мной, и пойдём гулять. На танцы не идем. Что нам там делать? У меня другие планы.

– Ты действительно думаешь, что я так сделаю? Я иду днем на речку с сестрами, и вечером в клуб. Буду танцевать весь вечер.

– Ты будешь теперь со мной одним. Ты теперь моя. Нечего на пляже задницей вилять. Хочешь, чтобы на тебя все пялились? А на танцы побежишь в темноте потереться обо всех

подряд?

Его слова вызвали бы смех, если бы это была шутка, но он говорил серьезно. Настроение было окончательно испорчено. Разговор уже начал выводить меня из себя. Я мечтала, чтоб дорога быстрее закончилась. Хотела избавиться от этих глупых нотаций «что теперь мне нельзя».

Наконец мы подошли к калитке.

– Спасибо, что провел. Я прекрасно провела вечер.

– И это всё? Ты просто пойдешь домой?

– А что я должна делать?

– Я думал, мы посидим на лавочке, пообнимаемся. И я ещё хочу целовать тебя.

– Серёж, я правда устала. Мы прямо с дороги сразу на танцы пошли. Даже вещей не разбирали. Такой бурный вечер. Я просто хочу спать. Встретимся завтра.

– А выплясывать ты не была уставшей! Со всеми подряд терлась. Как последняя шлюха, со всеми без разбору. Подойти невозможно было. Ты что, за год стала б...ю?

Мне казалось, что чужой рот говорит знакомым голосом очень странные вещи. Обида сжала горло, на ресницах задрожали слезы.

– Что с тобой произошло? Кто ты?

Посмотрев в глаза, сказала: «Пока», развернулась и пошла в дом.

– Наташ, подожди! Ну, вернись! Я хоть поцелую тебя на прощанье!

Его приглушенный голос только заставил ускорить шаги.
Дверь закрылась...

Глава третья

Щелчок щеколды был спусковым крючком. Я глубоко вдыхала, пытаюсь остановить слезы, неумолимо наполняющие глаза. Оставшись в одиночестве в темном глухом коридоре, я дала волю чувствам и тихо, не по-детски горько заплакала. Моего Серёжки больше рядом не было. Тот, кого я любила всем своим открытым наивным сердцем, навсегда остался в прошлом. Этот незнакомый мне человек не имел ничего общего с мальчишкой из моего детства.

Я плакала по проказам и по страшилкам, по детским тайнам, веселым войнушкам. Воспоминания яркими картинками проплывали перед глазами. Все. Этого не будет больше никогда. Никогда-никогда. Я никогда не прошепчу ему свои тайны и не расскажу обиды. У меня нет больше лучшего друга...

Слезы без остановки все лились и лились. Потеря была велика. В один миг лишиться так много дорогого, связанного со счастливым детством, для четырнадцатилетней наивной доверчивой девочки оказалось слишком больно. Наконец, потоки превратились в редкие капли. В груди отпустило.

– Динка прощается с детством, – всхлипывая, почему-то прошептала я название зачитанной до дыр своей первой книги о любви...

Заснула почти мгновенно. Так же мгновенно проснулась. Губы болели. Дурацкие поцелуи превратили их в две сардельки. «И что в них только находят, в поцелуях этих?» Веки распухли от слез, волосы запутались. Вечером не было никаких сил заплетать косички. Сестры, сопя, спали рядом. Прямые солнечные лучи их нисколько не тревожили. Я улыбнулась. Еще бы, пришли на рассвете. Я попала домой в половину второго, а когда же они? Надеюсь, их вечер прошел веселее моего.

Лежать было скучно, думать о вчерашнем не хотелось. Я вылезла из кровати, привела в порядок волосы и пошла во двор, помочь тетке, с раннего утра до поздней ночи занятой работой. Откуда у неё только силы берутся?

– Ти о котрій годині додому прийшла?

– Где-то в половину второго.

– А дівки?

– Не знаю. Я спала.

– А з ким ти додому йшла? – руки остановили свой бег по картошке.

– С Серёжкой.

Тетка пытливо посмотрела в мои глаза.

– Наталка, ти що, плакала? – от удивления присела на стул. Родные никогда не видели моих напухших век. В компании мальчишек слёзы были огромной роскошью.

– Нет, тётъ Ань. Вам показалось.

Я изучала пол под ногами.

– Я що, не бачу? – в голосе нарасталала тривога, – Тебе хтось скривдив?

– Все хорошо.

– А чого тоді шморкала? Я що, не чула? Думала, ти застудилася.

Отпираться было некуда. Зная, что она услышит ложь (да и врать я не умела), сказала прямо

– Серёжка обидел.

– Він тобі щось зробив? – беспокойство в голосе тетки переростало в панику.

– Ничего, – удивленно ответила я.

– Він торкався тебе? – голос просто звенел от напряжения.

Казалось, она перестала дышать.

– Да, – сглотнула я. Нервное состояние тетки медленно передавалось мне.

– Де? – она просто задохнулась.

– На шляху.

Лицо превратилось в маску.

– Де торкався?

– Ну, на шляху же, – я никак не могла понять, что её так напугало.

– Як?! Як він тебе торкався? – последние слова она просто кричала.

– Обнимал. Ну, ещё поцеловал пару раз, – дрожащим голосом ответила я, – Мне не понравилось.

Из её глаз закапали слёзы. Впервые в жизни видела, как

эта мужественная гордая женщина плакала.

– Теть Ань, что случилось? – я бросилась обнимать вздрагивающие плечи.

– Все добре, дитинко, все добре. То я так...

Тетка перестала плакать после похорон двенадцатилетней старшей дочери. Пережитая утрата навсегда оторвала кусок её сердца. Это были первые слезы, которые я видела за долгие годы.

– Что происходит? – в кухню ввалились заспанные сестры, обернутые в одеяла как бедуины.

– Все добре, дівки, все добре, – тетка украдкой смахнула слезы, – Вдягайтеся, снідати будемо...

На речку мы пошли. На «наше место» одна идти я не собиралась. На дамбе был лучший пляж. Дно реки ровно усеяно крупным песком. Теплые бетонные плиты опускались на пару метров в воду пологим склоном. Раньше река была не слишком широкой, но полноводной и стремительной. Потом построили дамбу, преградив потоку путь. Вода широко разошлась, затопила прибрежные луга и остановилась прямо в огородах. В колодцы дамбы водопадом полилась вода. Девтора всей округи ругала строителей, на чем свет стоит. Долина была излюбленным местом игр. Босые ступни утопали в прохладной мягкой луговой траве, и это было непередаваемо приятно. Покупаться сюда приходила молодёжь не только из нашей деревни. Сюда приезжали даже из Курортного.

Было воскресенье. Вместе с Димой и Ваней пришли дру-

зья. Компашка получилась веселой, и я почти забыла свои обиды. Все было как раньше, даже лучше. Чем больше компания – тем интереснее. Играя в «пятно» наныряться до боли в ушах.

День прошел быстро. Приближался вечер. Девчонки собирались на танцы. Я развалилась на кровати и читала книгу.

– Ты что, не идешь? – подкрашивая перед зеркалом ресницы, спросила Надя.

– Нет особого желания. Лучше книжку почитаю.

– Не поняла. Что случилось? У тебя же было прекрасное настроение, – сестра перестала красить глаза и повернулась ко мне.

– Все в порядке. Просто с Серёгой поссорились. Видеть его не хочу.

– И что не поделили?

– Детство.

– Ну-ну. А конкретнее?

– Не могу объяснить. Он обидел меня.

– И что же он сделал?

Я задумалась. Что он сделал? Незаслуженно оскорбил. Я сердилась, вспоминая вчерашнее рандеву. Но совесть сверлила мозг. Как девушки ведут себя? Я мало наблюдала за окружающими на своих первых в жизни танцах. Не в школьной столовой на ежегодном осеннем бале, а в настоящем клубе! Я наслаждалась каждым моментом, и отрывалась по полной. Танцевала со всеми, кто меня приглашал.

Но это же просто танец. Мне было все равно, с кем кружить под медленную музыку. А вдруг, я и правда вела себя как гулящая? Откуда мне было знать? А Сергей сказал правду. Возможно, он был прав, а я нет? Нужно было все выяснить. Я решила еще раз с ним встретиться.

– Ну, так что же?

Я молча села к зеркалу...

Мы пошли в клуб по шляху, минуя сельские улицы. Я не хотела заходить за Сергеем. Хотела посмотреть, как он отреагирует на нашу встречу в людном месте. Прошедший вечер не повторился. На танцах было откровенно тоскливо. Никто меня больше не приглашал и песен не заказывал. Все медленные танцы я подпирала стены.

– Ты чего нос повесила? Потанцевать не с кем?

– Никто не приглашает.

– А никто и не пригласит.

– Почему? Я что, за сутки подурнела?

– Глупышка моя. Вчера ты была свободной девушкой, а сегодня у тебя есть парень. Это все меняет.

– Дурацкие обычаи. Зачем тогда вообще ходить на танцы? Стенки подпирать? И ты же танцуешь не только с Ванькой!

– Просто так принято. Пригласит тебя какой-нибудь, а потом зубов не досчитается. Серёга ещё вчера всех предупредил. Вот и не хотят нарываться. Кулак у него – сама видела. А Ванька меня не ревнует. Знает, что я только его люблю.

– О чем предупредил? – я пропустила про Ваньку.

– Что в рожу даст любому, кто подойдет. Об этом все шушукаются. Ты что, не знала? – Надюшка удивилась.

Слова сестры многое объясняли. «Он всё за меня решил! Еще до моего ответа на его предложение проводить. Ведь после танцев Сергей ни с кем не разговаривал. Мы сразу пошли домой. Он что, считает меня вещью?» Я по-настоящему разозлилась.

– Надь, проведите меня. Голова болит.

– Хорошо. Мы всё равно уйти хотели. Ради тебя тусовались.

Сергей не появился. А я искренне была этому рада. Мне нужно было подумать.

Со спальными местами у тетки были проблемы. Мы выросли, и уже не вмещались втроем на полуторной сестринской кровати. Шлепать на ночлег к бабушке полтора километра было неинтересно. Нам не хотелось разлучаться – вместе было веселее. Уже в кровати тесным кружком мы делились секретами и смешными историями. Старшие сёстры шептались о парнях, а я слушала.

Всё решилось быстро. Во дворе стояла большая летняя кухня. На горище – сеновал. Вот там-то мы и устроили себе лежбище. Прямо у входа, чтобы было прохладнее. Дверца, отворяющая выход на улицу была открыта нараспашку. Свежий ночной воздух беспрепятственно проникал внутрь.

Я улеглась прямо напротив двери. В открытый проем было видно звездное ночное небо. Влюбленные парочки облю-

бовали места в глубине сеновала, практически в конце шестиметрового чердака. Разглядывая яркие созвездия в ночном небе, я уснула. Проснувшись от того, что кто-то елозил по моим губам. Задергалась, пытаюсь освободиться.

– Тише, тише. Это я.

– Я же случайно могла и в рожу дать. И вообще, ты что здесь делаешь?

– Я был готов, – Сергей крепко сжал свою огромную ручищу, с легкостью охватывающую мои тонкие запястья, тесно прижатые друг к другу внутренними сторонами. Не удостоив меня ответом, он вновь впился в рот. Его турбина принялась засасывать губы. От него несло перегаром. «Может, я когда-то привыкну к этим дурацким поцелуям?» – сверлила мозг навязчивая мысль. Мне не было страшно. Я все еще ему верила и думала, что он прекратит все по первому моему требованию. Поцелуи становились всё настойчивее, и он все сильнее подминал меня под себя. Мне это было неприятно, и я попробовала остановить его настойчивые «ласки» и освободить руки. Активные попытки выразить недовольствие только подзадоривали Сергея. Он навалился всем телом, крепко зажав ноги между своими коленями. Под весом огромного парня стало физически нечем дышать.

– Пусти, я задыхаюсь, – освободившись на миг от его рта, просипела я. Реакция полностью противоположная. Попыталась освободить руки, но хватка только усилилась. Навалившись всем телом, сопящий, он в одном кулаке сжимал

до боли запястья, а второй рукой полез под футболку. Этого я не могла допустить и стала вырываться, что есть сил. Безрезультатно. Он как спрут обвил тело, полностью лишив возможности двигаться.

– Не дёргайся, сказал. Сегодня все будет по-моему. Что бы ты поняла, кто тут главный, – к рукам в кулаке добавились волосы. Казалось, он хотел сделать мне побольнее, натягивая косу что есть мочи.

– Это тебе, шалава, за то, что я весь день ждал тебя у реки, а ты развлекалась с толпой мужиков, – он наотмашь ударил меня по щеке тыльной стороной ладони. В глазах, как в мультфильме, зажглись ослепительные искры.

– Задом перед ними вертела. Почти голая! Поди, все уже ощупали во всех местах, как в пятна играли. Так этого мало тебе было. Еще и в клуб пошла. Мало тебя на речке лапали? Я же сказал, что бы без меня не ходила. Шлюха. Всем даешь, а мне нет? С кем ты там сосалась в потемках? А со мной ты недотрога? Ничего, сегодня я тебе покажу, кто здесь главный.

Все казалось ночным кошмаром и мне отчаянно хотелось проснуться. В борьбе футболка задралась до подбородка и натянулась у шеи. Удерживая мои руки, он зажал в кулаке кусок сбившейся одежды, и с каждым рывком петля сжимала горло все сильнее. От нехватки воздуха я почти потеряла сознание. В глазах темнело. Попытки освободиться имели противоположный результат. Я была физически очень

развитой девочкой, но противостоять крепкому парню моих сил было недостаточно. Сергей только сильнее сжимал тиски и затягивал петлю на горле. Ужас заполнял тело с каждой секундой. Он тащил меня за волосы так, что казалось, еще чуть-чуть и скальп отделится от головы.

Я не могла поверить, но все происходило на самом деле. Паника заставляла вырываться и затягивать петлю все туже. «Да он же сейчас меня задушит!» Взгляд затуманился, и перед глазами появилось загадочное сияние. Я поняла – он не остановится. Какая ирония! Меня убивал лучший любимый друг. В голове каруселью понесли вспышки воспоминаний про те времена, когда мы доверяли друг другу самые сокровенные тайны. Я увидела этого человека маленьким плачущим мальчиком, которого младшая подружка утешала после очередной материнской порки. В голове мгновенно прояснилось, и решение пришло само собой. «Этому не бывать! Я не однажды побеждала тебя! Ты меня не убьешь!» Ужас и паника растворились, уступая место ледяной твердой решимости. Я уже знала, что буду делать. Страх пропал. Даже сердце стало биться медленнее. Я расслабилась.

– Вот так-то лучше. Не будешь дергаться, все будет хорошо, – хватка ослабела. Наконец я смогла вдохнуть. Легкие работали в бешеном ритме. Позволила поцеловать себя. Это было МЕРЗКО. Использовала время, чтоб отдышаться и собрать все свои силы. Отвратительные руки шарили по телу. Было ощущение, что это ползают черви. Я с трудом по-

давляла желание их стряхнуть. Просипела: «Отпусти руки. Я хочу тебя обнять». Он совсем расслабился и выпустил волосы и руки из своего огромного кулака. Я смогла двигать головой. Положила руки на плечи. Шепнула: «Отпусти ноги. Больно». Он подчинился. Мои руки продолжали гладить грудь и плечи.

– Приподнимись, неудобно, я подушку поправлю, а то в голову давит, – Сергей приподнялся. Я поджала ноги к животу и с ожесточением оттолкнула насильника. Толчок получился достаточно сильный. Не ожидавший удара, Сергей ядром полетел в темноту. Полет сопровождал громкий выдох, мои пятки попали ему под дых. Тело вылетело через дверь. Раздался глухой звук удара от упавшего тела.

– Ну что, тварь, жив? – выглянула из проёма. Сергей лежал неподвижно. Казалось, не дышал. Он распластался на спине. Руки раскинуты в стороны, ноги согнуты в коленях. Тело выглядело безжизненным. «Я убила его! Убила! О Боже, я убила человека!» Тягучие секунды проходили одна за другой, но тело оставалось неподвижным.

Летняя кухня была новой высокой постройкой, и лететь с чердака было метра три с половиной, а то и все четыре. Везение спасло и его, и меня. Тело приземлилось на стожок досыхающего сена, смягчившего падение. Сергей зашевелился и, молча, поднялся на ноги. Вздох облегчения вырвался из моей груди. Я громко засмеялась во весь голос. Остановив истерический смех, и гордо подняв голову, громко сказала:

– Что, козел, ноги держат? А жаль. Бери их в руки и вали отсюда. Больше не приближайся ко мне. НИКОГДА! Подойдешь – всей деревне расскажу, как малолетка тебя с чердака спустила! – последние слова почти прокричала. На возню выскочили мои парочки.

– Шлюха, – слышалось среди шороха удаляющихся шагов.

– Что случилось, сестричка? – слышались взволнованные голоса.

Все произошло ужасно быстро. За это короткое время ожесточенное противостояние истощило физические и моральные резервы. Тело начало дрожать мелкой дрожью. Мгновенье спустя я не могла остановить бешеный стук зубов, так меня трясло.

– О Боже! Наташа! Что произошло???

В четырех парах глаз застыл настоящий ужас.

– Сееергееей...

Слёзы брызнули из глаз. Сестры бросились ко мне. На этот раз я рыдала в голос. Ребята молча спрыгнули с чердака и скрылись в темноте.

– Что? Что Сергей? – допытывались сестры.

– Он, он, – слова не находились.

– Что он? Что он сделал?? – Надя меня просто трясла.

Через рыдания прорвалось:

– Он. Он. Он. ТРОГАЛ меня! – значение слова стало пугающе понятным.

– Ну, ну, моя маленькая. Все позади. Я с тобой. Поплачь, поплачь, – прижимая к себе, сестра ласково гладила мою голову. Она всегда меня так успокаивала. Ей доводилось видеть редкие слёзы гордой маленькой девочки.

Я горевала... Обидное слово «шлюха» жгло, как раскаленное железо.

Произошедшее заставило окончательно потерять не только друга, но и желание любить. Взрослая жизнь встретила не очень приветливо. Первый урок – предательство – протоптал в душе не просто тропинку, он многотонным катком проложил не зарастающую всю жизнь дорогу...

Глава четвертая

Во избежание сплетен решили все держать в секрете. Ребята поддержали меня, окружили заботой и вниманием, сделав вид, что ничего не произошло.

Никто не задавал глупых вопросов, и за это я была благодарна. Весёлая компания, ежедневные водно-купательно-развлекательные процедуры и природный оптимизм сделали своё дело. Желание жить понемногу возвращалось в моё сердце. Сергея я больше не видела и была этому искренне рада. Незаметно подкатила суббота. Девчонки снова собирались на танцы. Я тихо наблюдала.

– Натали, а ты что сидишь? Поторопись, а то ждать тебя будем. Сегодня новый фильм. Я хочу посмотреть, – Надя застегивала блузку.

– Я не пойду.

– Пойдёшь.

– Я не хочу.

– Так нужно.

– Кому?

– Тебе.

– Мне? Нет. Лучше книжку почитаю.

Сестра села рядом.

– То, что произошло, не может не оставить следа. Он хотел тебя подчинить, унижить, растоптать и запугать. Если ты сей-

час останешься дома – он победил, и ему это удалось. Не позволяй этого. Высоко подними голову – тебе нечего стыдиться. Пусть прячется он. Иди туда и сияй! Докажи, что ты – нестибаема.

Слова сестры волшебным бальзамом исцеляли израненную гордость. Помогли мне вспомнить, кто я. Твердая решимость овладела мной. «Нет. Я не дам себя победить. Я тебе докажу, что грязное слово „шлюха“ не имеет ко мне никакого отношения». Мысли скакали, как белки пока я приводила себя в порядок. За нами зашла вся компашка и мы весело галдя, пошагали в клуб.

Субботний вечер собирал огромное скопление молодежи. Клуб был новый, большой, с отдельным кинозалом и огромным фойе для танцев. Приезжали мотоциклами, велосипедами, приходили пешком за несколько километров, а в исключительных случаях приезжали на машинах. Атмосфера праздника витала в воздухе и была заразительна как инфекция.

Показывали новый фильм и все отправились в зал. Сюжет увлек. Я действительно внимательно смотрела, не думая ни о чем. Послышался шум. Двери распахнулись.

– Мишка Серёгу убивает!

Восторженный вопль сорвал с мест всех, и девушек, и парней. Действие фильма уже никого не интересовало. Пока мы добежали с задних рядов, драка была закончена. Сергей лежал на земле, возле него хлопотала королева Анна. Мишу

держали за руки. Событие было из ряда вон. Все знали, что Серёга входил в «элиту» (был младшим из всех), а Мишка практически её сколотил.

Девчонки подбежали к ребятам. Я осталась стоять на ступеньках.

– Что случилось? Они же друзья.

– Девку какую-то не поделили.

Возбужденные голоса шмелями гудели в моей голове.

– Хоть бы путёвую, а то шлюху какую-то. Говорят, он её во второй вечер чпокнул.

– Кто говорит?

– Да он же и говорил. Сразу и бросил её. Сказал – берите, кто хотите. Мне не надо. Уже все.

За звоном колокола в моей голове я едва различала слова.

– А как она, ничего?

– Приезжая какая-то. Бабке на лето родоки сбрасывают.

Набат в голове рос, как девятый вал. Кровь прилила к лицу. В ушах стучали молоты. Руки сжались в кулаки.

– Так шлюхи и получают. Нарожают, а воспитывать – дудки.

– Алкаши, наверное. Там и мать шлюха такая же.

– Какая мать, такая дочь.

– Так она теперь всем даёт?

Этого я вытерпеть не могла. То, что какой-то мудака льет на родителей грязь, привело меня в чувство. Я повернулась к стоящим рядом парням.

– Эта шлюха – Я! И я действительно даю всем, кто попросит. Ты очень сильно попросил и я, конечно же, дам тебе. Так же, как дала Серёже, – и со всей силы двинула в челюсть.

Детские потасовки привили определённые навыки. У моего кулака был замечательный отработанный годами тяжёлый апперкот. Мудазвону повезло. Стоящие впереди тела смягчили падение. Остановиться уже было невозможно. Догнала кувыркающееся тело, села на грудь и начала месить его с обоих кулаков.

– Это тебе за шлюху, это тебе за «родоки» сбрасывают, это за алкашей.

Я с удовольствием наносила удар за ударом, испытывая настоящее наслаждение. Очень глубоко в душе я ненавидела насилие и дралась только по крайней необходимости. Но в этот раз плотина, сдерживающая эмоции, рухнула, и каждый взмах приносил огромное облегчение.

– А это, мудака, за то, что твой поганый рот посмел вообще что-то вякнуть про мою маму!

В последний удар вложила всю оставшуюся обиду. Он лежал неподвижно. Глаза были закрыты, а лицо превратилось в кровавое месиво. Я никогда никого так жестоко не била. Да и вообще давно никого не била. Лёгкие взрывались. Силы покидали меня. Поднялась на ноги. Шокированная молодежь онемела. Вокруг было удивительно тихо, и только легкое постанывание избитого парня нарушала эту звенящую тишину.

– Ну что? Я тебе достаточно дала? Или ты просил больше? – тяжело дыша, я еле выговаривала слова. Тело что-то промычало.

– Не поняла.

Легкий удар носком туфли побудил зашевелиться.

– Хватит, – просипел беззубый рот.

– По-моему, ты не все сказал, – ещё один пинок.

– Прости, – свистящий шепот.

Я посмотрела на второго трепача. Толпа молчала. Дрожащий испуганный голос произнес:

– Я всё понял. Извини.

Гордо подняв голову, подошла к уже стоящему на ногах Сергею, плюнула ему в лицо, развернулась и твердой походкой пошла в направлении дома.

– Да она ненормальная! – Анна подала голос. Её тонкий срывающийся фальцет с повизгиванием нарушил мертвую тишину.

– Вот именно! Не советую связываться, – кинула через плечо. Толпа расступилась, и я исчезла в темноте.

Колени дрожали. Выплеснутый адреналин разрядил напряжение, и внутри образовалась темная, как черная дыра, пустота. Я почти бежала. Слёзы подкатили к горлу.

– Нет, я не буду плакать! Больше никогда я не пролью и слезинки из-за тебя, гавнюк, – крикнула в темноту и слёзы отступили.

– Тебя больше нет! Ты – никто. Пустое место. Ты умер

вместе с моим другом Серёжкой. И больше не сможешь причинить мне боль. Я не допущу этого.

Рот выкрикивал слова, а ноги все убыстряли бег. Темнота, молча, слушала мои крики. Даже не заметила, как прибежала домой. Тетка все кружила в работе.

– Ти що? Вже прийшла? Танців не було?

– Просто голова болит.

– А дівки де?

– Сзади идут.

Тетка успокоилась.

– Може, тобі порошків дати?

– Я просто полежу.

– Ну, йди, лягай.

Мне повезло, что на улице стояла темень. Брызги крови заляпали кофточку, а костяшки пальцев саднили, и днем я бы не отвертелась от объяснений. Что-либо обсуждать я была не готова и спряталась в доме. Вымыла руки, затолкала в угол заляпанную одежду и нырнула под одеяло.

Только разделась и легла, прибежали сестры. Самый легкий способ избежать разговора было притвориться спящей.

– Мам, а где Наталка?

– В хаті лягла. Кажє, голова болить.

– Да, она говорила. Даже с дискотеки ушла.

Голоса умолкли. Звякнула щеколда.

– Наташ, ты спишь? – шепот заставил покрепче зажмурить глаза и выровнять

дыхание.

– Похоже, правда уснула. Она когда перенервничает, всегда в спячку впадает. Наверное, организм так со стрессом борется.

– Пусть поспит. Утро вечера мудренее. Завтра все узнаем.
Сёстры на цыпочках вышли и тихо прикрыли дверь.

Глава пятая

Для спокойной сельской жизни это было что-то. За всю историю деревни впервые девчонка отделала парня. Как бы там ни было, я, сама того не желая, стала знаменитостью. Новость на утро знали даже жители близлежащих деревень. Как это происходило? Честно, не понимаю. Мобильных не было. Даже обычный телефон был редкой роскошью. Позвонить население ходило в сельский совет. Но факт оставался фактом – когда мы проснулись, тетка с дядькой возбужденно обсуждали случившееся.

– Ганзя казала, що вона йому чотири зуби вийняла. Матір до лікаря повезла, скалки вибирати.

– А до батьків ходила?

– Він не каже, хто вона. Каже, якась у гості з міста приїхала. Наче він не знає ту дівчину. І за що біла, теж не каже. Тільки сказав, що сам попросив. Мати хотіла заяву подати, а він не дозволив. Йому вже вісімнадцять, від матері не беруть.

Вздых облегчения вырвался из груди. Может, все обойдется. Когда я была этого парня, не думала о последствиях. А они могли быть очень серьезными. Эмоции взяли верх, и я потеряла контроль. Это не было детской потасовкой. По закону это было нанесение тяжких телесных. Если бы парень написал заявление, мне грозили реальные неприятности за-

конного характера. Свидетелей было множество, а истинную причину мало кто знал. При желании очень легко было найти виновника.

Его поступок вызвал у меня уважение. Не каждый способен признать свою ошибку и простить такое.

– Тимоша! Це ж, мабуть, наша Наталка! Вони й прийшли вчора рано.

– Якщо Наталка, то дала за діло. Вона за просто гамселити не буде.

– Що ж нам робити?

– Тобі хтось щось казав?

– Що то Наталка? Ні.

– То й не запитуй. Менше знатимеш, добріше спатимеш. Як будуть питати – то наші дівки дома, прийшли раненько, усі цілі. Нічого не знаємо.

Тетка и правда сделала вид, что я не причем. Ничего не спрашивала, не выясняла, только вечером подошла и тихо сказала:

– Ти вже доросла дівчинка. Наступного разу можеш когось просто вбити. Я не буду питати, що там було. Навряд чи ти мені відповіси. Будь обережна.

– Теть Ань, вы о чем? – я сделала круглые глаза, пряча руки.

– Ти це добре знаєш, дівчинко.

Разговор был окончен. С сестрами было сложнее. Что, как, за что, что он такого сказал – они хотели знать все. День

выдался напряженным. Ни о каких развлечениях мы и думать не могли.

– Ну и гад этот твой Серега.

– Он не мой. Жаль, что не ему врезала.

– Не переживай, он своё получил.

Приближался вечер воскресенья. Мы с Надей на танцы идти не хотели, но Лида убедила нас.

– Вы ничего не знаете о жизни в деревне. Не пойдем – значит прячемся. Наташа, собери все свое мужество, накрась глаза поярче – и вперед. Всё будет хорошо.

Мы лениво собрались и поплелись в клуб. Ничего путевого от этой прогулки я не ждала. А видеть ненавистную рожу предателя – просто боялась. Боялась, что не смогу сдержаться и снова наделаю глупостей. Но рядом была отличная поддержка. Сёстры ни на минуту не оставляли меня.

Общество разделилось. Одни обходили стороной, другие испытывали восхищение и искали встречи. Были и те, кому было по барабану. Но наши мальчишки сделали все, чтобы мне было комфортно. Никто не приставал, не обсуждал при мне потасовку. Все было, как будто ничего не было. Только Надюха все твердила: «Улыбайся, улыбайся, улыбайся!» Сергей на танцах не появился. Вечер прошел довольно спокойно.

– Ну что, кулаки болят? – Мишка плюхнулся на сиденье рядом.

– А у тебя?

– Мне не привыкать.

– Мне тоже.

– Я заметил. Круче меня.

– Просто тебя остановили, а мне дали сделать дело до конца.

– Я поражен. Откуда такие навыки?

– Бои без правил, – в уличной драке действительно правил не существовало.

– Гроза деревни. А здорово ты его отделала. Мне даже стало жаль Федьку.

– Так ты его знаешь?

– Здесь все друг друга знают. Он в принципе неплохой парень. Болтливый немного, а так ничего.

– Ну, от болтливости я его полечила. Так что получится полноценный член общества.

– Только беззубый и с распухшей рожей.

– Издержки воспитания.

С той памятной встречи я разговаривала с ним впервые. Странно, но магия исчезла и я не испытывала никакого неудобства в общении. Заиграла медленная песня.

– Пошли, потанцуем?

– С удовольствием.

Дискотеку в клубе крутила та же элита. Думаю, пора их представить. Ваню и Диму вы уже знаете, Мишу тоже. Был ещё один парень, разделявший наше общество. Вова. Все они были старше меня лет на пять–шесть. Иногда присо-

единялись и другие. Они то приходили, то уходили, а когда приводили своих девчонок – компашка становилась просто огромной. В общем, мы хорошо проводили время. Было весело. И только когда влюбленные разбивались на парочки, я отправлялась домой спать. Мне было хорошо с ними. Никто не напрягал, предлагая «проводить домой».

Провожали нас все вместе, большой веселящейся ватагой. За это короткое путешествие мы не могли наговориться, и вся толпа устраивалась на лавке возле дома. Веселые истории, анекдоты, иногда местные сташилки. Могли просидеть до рассвета. Мы очень сдружились и тяжелые воспоминания отступили. Такие отношения были мне знакомы. Новые друзья уважали меня, а я уважала их.

Огромный запас нерастроченной внутренней энергии, и юношеский запал делал меня активной девушкой. Я принимала участие в подготовке всех местных мероприятий. Рисовала афиши, украшала зал, сочиняла сценарии. Жизнь вновь была ключом. Так прошел месяц. О случившемся никто и не вспоминал.

Пару недель спустя ко мне подошел, улыбающийся какой-то хитрой улыбкой, Ванька.

- Ну что, Натали. Завтра будешь отрабатывать долг.
- Какой ещё долг? Я ни у кого не занимала.
- Это у тебя память короткая. Ты должна мне.
- Интересно, что и за что.
- Напомню. Курортное.

Я совсем забыла про давний спор. События развивались столь стремительно, что он совершенно вылетел у меня из головы.

– Мы поедem на танцы?

– Да, завтра.

– И ты хочешь, чтоб я там спела?

– Спор есть спор.

– Должна – значит, отработаю, – ответила бодро, а в душе поселился страх. Я выступала только на школьной сцене.

Поездка в Курортное была чрезвычайным событием. Нарядившись в лучшие наряды, мы ждали транспорт. С техникой в то время был напряг. Чтоб купить средство передвижения люди стояли в очереди годами. У нас на всех оказалось два мотоцикла – «Ява» и «МТ». Лида и Дима на «Яве», а Надя, я, Вова и Ваня – на «МТ». Решили ехать по трассе, чтоб не так трясло. Добрались мы благополучно, но когда подъехали, перед нами вырос местный участковый.

– Так, что тут у нас? Пассажиры без шлемов, да еще и один лишний. Давай права.

– Вань, веди девчонок в клуб, а мы разберёмся.

Это был не клуб – Дворец культуры. Огромное здание оказалось помпезным. Нас пропустили без разговоров и билетов. Видимо, ребят хорошо знали. Танцы шли полным ходом. Толпа в зале была довольно плотной. На сцене играл живой ансамбль. Первым порывом было убежать. «Я не смогу. Опозорюсь только», – сверлила мозг навязчивая мысль,

а ноги дрожали от страха.

– Ну что, готова?

– Нет.

– Но я уже договорился.

– Я не смогу. Давай в другой раз, – мне отчаянно захотелось исчезнуть.

– Давай. Смелей. У тебя все получится. Я же знаю.

– И что мне спеть?

– Да что хочешь.

Мы подошли к сцене. Сильные руки подхватили и поставили на возвышение. Это было невероятное событие. На сцену кроме музыкантов никто не поднимался. Это был неписанный закон и все его знали. Зал молчал. Огромное количество глаз остановилось на мне в ожидании. Коленки подкашивались, во рту пересохло. Я была уверена, что не выдавлю ни звука. Трусливый червь глубоко внутри шептал: «Позор, позор, позор...!» Ребята надели на меня гитару. «Назад дороги нет», – сказала себе и ударила по струнам. Никто не танцевал. Все просто стояли и, молча, смотрели. Музыканты подхватили ритм. Доиграв вступление, я запела.

После первых взятых нот дрожание в коленках прекратилось. Волнение улеглось, и песня полилась сама собой. Народ стоял. От страха закрыла глаза и представила, что я на берегу реки. Что только не пронеслось в голове за эти пять минут! Заканчивая песню, приоткрыла веки. Мне так хотелось увидеть танцующие пары, но плотная масса стояла неподвиж-

но. Допела песню в полном ужасе. Музыка прекратилась. Народ молчал. Сердце гулко стучало в груди. Мгновения показались мне часами. «Ну, хоть долг отдала», – успокаивала себя. В руки и ноги опять возвращалось мелкое дрожание. Молчание продолжалось. Я сняла гитару, и тут грянул гром! От неожиданности чуть не выронила инструмент. Они хлопали мне! Весь зал! Что-то скандируя, и топя в такт ногами!

– Ну что, споёшь ещё?

– А можно?

– Ну, люди же просят.

И тут я поняла, что хором отчетливо выкрикивала молодежь.

– Хотем ще! – туп-туп-туп, – Хотем ще! – туп-туп-туп.

С ребятами вместе мы отработали отделение. Счастье переполняло меня. Музыканты были высшего класса! Обыгрывали даже совсем незнакомые песни. Певец мгновенно подхватывал вторую партию. Это было круто! Несравнимые впечатления. Я поняла, почему так много говорили о танцах в Курортном. Мы выплясывали до двенадцати. Но всё хорошее кончается. Пора было возвращаться домой. Сердце ликовало, и я совсем забыла об инциденте с участковым.

– Поедем через деревню.

– Что случилось?

– Мент хотел права забрать, я сказал что нет. Заставил меня номера снимать, а сам отошел. Ну, я, недолго думая, и свалил. Мотоцикл в проулке. Так что простите, девочки,

потрясет.

– Ерунда.

Мы отправились домой. Но проехали недалеко. Среди улицы стоял всё тот же участковый.

– Что, Вова? Думал, я на трассе тебя жду? Я знал, что ты сюда поедешь. Вы все так делаете. Снимай номера и сгружай одного пассажира.

– Ну, номера – ладно. Но не могут же девушки так далеко пешком идти. Ночь уже.

– А мне по барабану.

Разговор длился минут уже десять. Но мент со спокойным насмешливым голосом никак не хотел уступить. Мимо нас проезжали другие счастливики, а мы все стояли. Пару раз я порывалась идти пешком, но сестра грозным взглядом усаживала меня на место. Казалось, это будет бесконечно. Рядом остановилась Ява. Парень снял шлем, и я его узнала. Он изредка приходил к нам на речку. Работал учителем физры в сельской школе. Молодой специалист.

– Я подвезу.

– Сами справимся, – казалось, Вова был не рад возможности решить проблему.

– Хочешь идти пешком? Какая разница с кем ехать домой? Встретимся на нашем месте.

Проигнорировав грозные взгляды сестер, я пересела на другой мотоцикл, и мы наконец-то отправились домой. Ява была резвее МТ. Доехали быстро.

– Спасибо что привёз. Погуляешь с нами?

– Я бы погулял с тобой.

– Я без сестёр гулять не хожу. Несовершеннолетняя, – усмехнулась.

– И сколько же маленькой девочке?

– Четырнадцать, – просто пропела цифру.

– Шутишь?

– Паспорт не покажу, получу через два года, а свидетельство о рождении можно. Дома лежит, – я просто смеялась. Недоверие, испуг, разочарование и что-то еще читалось на его лице. Ответом было молчание.

– Спокойной ночи, встретимся на речке, – не дождавшись ответа, повернулась и в хорошем настроении поскакала к дому. Ребята подъехали почти сразу.

– Заждалась нас? А где же твой извозчик?

– Он не захотел с нами гулять.

– Невелика потеря, – Вова казалось рад.

– Что делаем завтра?

– Давайте отметим твой успех на речке. Шашлыков нажарим. Песни попоём.

– Только вечером. Работы – море. Надо матери помочь.

У Вовы мать была инвалид, отец давно умер и всю домашнюю работу он делал сам.

– Договорились.

Девчонки пошли гулять, а я, переживая вновь и вновь чудесные мгновения завалилась на боковую.

Глава шестая

День промчался незаметно. Мы замариновали шашлыки. Намыли картошки, нафаршировали её ароматным домашним салом и завернули в фольгу. Вареные яйца, пара салатов и море свежих овощей. Компот из фруктов дополнил продовольственную корзинку. В те времена в деревне хватало еды.

За домашними хлопотами подкрался вечер. У нашей компашки было свое место отдыха. Прямо возле дамбы между огородами и рекой осталась не затопленной небольшая полянка. За костер отвечала мужская половина. Дрова пришлось взять с собой, деревья и даже кустарники не росли. Только река, поляна и сразу огороды. На пикник выбрались Лида с Димой, Надя с Ваней, я, Миша, Вова и его друг – парень из соседней деревни. Он был среднего роста, довольно симпатичный, в меру разговорчивый. Настроение – аховое. Костер, природа, река, верные друзья – что может быть лучше? Пока жарился шашлык и пеклась картошка, мы пели песни. В звенящей тишине звуки гитары плыли над водой. Оживленно болтали, обсуждая поездку в Курортное.

– Вов, а ты номера забрал?

– Забрал.

– Платил что-то?

– Мораль послушал. Сказал: «Ну что, Вова, из-за девчонки попал? А она с тобой приехала, пока ты своё МТ прятал,

песенки пела, танцевала с другими, а домой с третьим уехала. Думаю, ты достаточно наказан» – и отдал номер.

– Повезло тебе, что он не знал, что мы друзья. Легко отделался, – я искренне порадовалась за друга.

Ребята принесли с собой молодого домашнего вина.

Я ещё никогда не пила спиртного. Только однажды, по ошибке. Было мне лет семь. К тетке пришли гости. На столе стояли закуски и большая кружка самогона. К слову сказать, огненную воду гнали из буряка. Обычно бураячиха была жутко вонючей, но умелая женщина очищала её так, что никакого запаха не оставалось. Не подозревая, что в кружке крепчайшее спиртное я успела выпить из неё несколько хороших глотков. Спала после этого почти сутки.

– Вов, мы что, тоже будем пить этот компот? – друг Вовы отставил стакан.

– У меня ничего другого нет. Мать самогон не гонит.

– Так у меня есть. Съездим?

Бензин стоил девять копеек литр. В те времена топливо никто не экономил. Предложение мужской половиной было встречено на ура. Вова с другом отправились за «горючим». Влюбленные ушли прогуляться. Дожаривать шашлык остались я и Миша. Дрова потрескивали, шелестел лёгкий прибой. Запах жареного мяса смешивался с едва уловимым ароматом трав. В душе царили покой и умиротворение.

– Ты очень красивая девушка. Почему ни с кем не встречаешься?

– Желания нет. Навстречалась уже.

– Ну не все же козлы. Есть и нормальные ребята.

– Мне и так хорошо. Так все проще.

– Неужели никого не заметила?

– Был один. В первый вечер познакомилась. Было желание, чтоб домой провел. Но видно не судьба. А ты-то что один? Тоже никого не присмотрел? Вон Анька за тобой убивается. А она очень даже ничего.

– Анька мне неинтересна. Она пустоголовая кукла в красивой обертке. Мне другая понравилась. Но что-то не вышло. Не со мной домой ушла. Видно, тоже не судьба.

Я почувствовала, что он говорил обо мне. Молчание повисло в воздухе.

– Ты одна, я один. Может, я тебя из клуба провожу? – тон был обыденным.

Меня бросило в жар. Миша был заботливым, добрым, отличным парнем. За время знакомства я полюбила его как друга. Рисковать еще раз? Терять близкого человека из-за каких-то шманцев-обниманцев, которые мне даже не нравились, не хотелось.

– Ты мне в первый вечер понравилась, – сказал Миша, видя мои колебания.

– Почему же тогда даже на танец не пригласил?

– Сергей сказал, что ты его девушка. Помнишь, мы поговорить выходили?

– Да это все ложь. Мог бы у меня спросить. Я и ответ дала

ему, когда последний танец танцевали. И то по ошибке.

– Теперь знаю, а тогда – нет. Он сказал, что у вас давно любовь. Вы вместе пришли. Почему я не должен был ему верить?

Все становилось на свои места. Но прошлое изменило меня с того памятного вечера.

– Миша. Ты стал моим другом и очень мне дорог. Не хочу рисковать. Не могу потерять тебя, как Сергея. Это очень больно, когда предают. Давай останемся друзьями, не будем портить отношения.

– Пусть будет так. Прости, что спросил. Но предложение остается в силе. Передумаешь, я жду. Спой что-нибудь. Мне жаль, что я вчера не был в Курортном.

Я взяла гитару и запела пошловатую смешную песню «Ох, уехал мой миленочек». Вернулись ребята. Шашлык подошел. Накрыли стол.

– Ну что? Поднимем рюмки за успех?

– Натали, так не годится. За успех компот не пьют, – Вовик подал мне вино.

– Но я не пью спиртного.

– Да это и не спиртное – виноградный сок. В нем крепости еще нет. Попробуй. Как шампанское.

Вино действительно оказалось очень вкусным. Ярко выраженный привкус винограда, сладкое, ароматное. Я с удовольствием выпила стаканчик. Ах, как потом об этом пожалела...

Горячительное развязало языки, подняло ещё больше и так отличное настроение. Это был прекрасный вечер. На душе было легко и спокойно. Мы доедали шашлык, и тут не добродившее вино сыграло со мной злую шутку. В животе забурлило, заиграло. Спазм сжал внутренности. Что делать? Отойти за кустики не было никакой возможности. Не было самих кустиков. Да если бы я и отошла в темноту, звуки, понятно какой музыки в полной тишине разнеслись бы по всей округе. Выход был один – нужно было срочно бежать домой. И судя по давлению, очень-очень быстро.

– Ребята, спасибо за вечер, я домой.

– Натали, детское время.

– Я очень устала, хочу спать.

– Полно шашлыка, вина. Давай погуляем. Вечер только начинается.

Время на разговоры просто не оставалось. Ещё чуть-чуть, и нижний клапан не удержать.

– Вы гуляйте, а я пошла, – выкрикнула убегая.

По тропинке между огородов бежала что есть мочи. «Домой точно не успею», – сверлила мозг навязчивая мысль. Старалась отбежать подальше, чтобы вдруг не услышали мои друзья. У дороги за огородами росли редкие кустики. Только я в них начала моститься, услышала:

– Наташа, подожди, я провожу.

Меня упорно догонял Вовин друг. Если бы он слышал все ласковые слова что пронеслись в моей голове! Я припусти-

ла еще быстрее. Думала – отстанет, но парень оказался настойчив. Влетев во двор, ринулась к туалету. Мне было уже все равно, услышит кавалер что-то, или нет. Я была просто на седьмом небе, что все-таки дотащила опасный груз до места дислокации. Взрыв был такой, что мне казалось, разбудил всю деревню. Странно, что здание туалета осталось на месте.

Тетка гнала самогон. Делали это ночью – прятались от милиции.

– Наталка, там до тебе якийсь хлоп прийшов. Просе, щоб вийшла.

Счастье от того, что я не покрыла себя позором, вернуло утраченное настроение. Я даже собиралась поддаться на уговоры и вернуться к реке. Но не тут-то было. Проклятое вино готовило новый взрыв. С трудом отшив настойчивого поклонника, я до утра так и просидела в туалете. Не знаю, что подумал про меня новый знакомый. Меня это несколько не заботило.

Промчалась еще одна неделя. Приближалась очередная суббота. Я много думала над предложением Миши. Он, безусловно, вызывал симпатию. Но первый неудачный опыт заставил меня воздержаться от положительного ответа. Мне льстило такое предложение, однако взвесив все «за» и «против» я решила не рисковать и оставить все, как есть. Страх, поселившийся очень глубоко в душе, все ещё терзал ночны-

ми кошмарами...

Часть вторая

Я полюбила тебя с нашей первой встречи. С первого взгляда в твои глаза. Раньше не знала любви. Даже с мальчиками не встречалась. Отдала тебе все свое сердце. Целиком. Без остатка. Не знаю, как любят другие, я любила на всю катушку, по полной. Ты был центром моей вселенной.

Думаю, ты знаешь об этом...

Глава первая

В подошедшие выходные мы вновь отправились на танцы в родной деревенский клуб. Лето выдалось жаркое. В просторном фойе было душно большому скоплению народа. Ребята быстренько вынесли колонки на улицу и организовали танцплощадку на свежем воздухе. Все веселились от души. Натанцевавшись до упаду, зашла в фойе отдохнуть. В полутьме Мишка сидел в гордом одиночестве. Плюхнулась рядом с ним.

– Привет. А ты что тут один сидишь?

Миша поднял взгляд, и я утонула в бездонных глазах.

Дыхание перехватило. Кровь в жилах остановила свой бег. Сердце замерло. Голова закружилась. Мир перевернул-

ся...

Это длилось секунды. Миша что-то ответил мне и я вернулась на грешную землю. «Вот это да!!!» – сердце забилося вновь. Сознание возвратилось. Что-то было не так. Миша смотрел на меня серо-голубыми глазами. До моего сознания дошло, что это не Миша. Очень похож. Очень! Но это был не он! Я потеряла дар речи. Знакомый незнакомец сказал что-то снова. Голос был чужой.

– Извини. Я думала, что ты – Миша, – ответила в замешательстве.

– Я его брат. Толик.

– Наташа, – я медленно приходила в себя, – Вы невероятно похожи.

– Мы ведь родные братья. Только я младше его на три года.

Заиграла медленная песня.

– Пошли, потанцуем?

Естественно я не могла отказать. Не помню, о чем мы говорили, но это была самая короткая песня в моей жизни. Я летала. Сердце пело: «Ещё, ещё». Мы протанцевали все медленные танцы.

Я хотела танцевать с ним и только с ним. Никто больше не интересовал меня. Глаза неотрывно следили за его передвижениями. Стрела амура не поразила меня – она убила наповал. Окончательно и бесповоротно...

– Давай отсюда убежим? Здесь слишком шумно.

Я молча кивнула в ответ.

– Только сестёр предупрежу, – опомнилась и бегом вернулась в клуб.

– Надя, я ухожу.

– Что случилось?

– Просто мы с Толиком пойдем погулять.

Сестра загадочно заулыбалась. Что-то увидела во взгляде.

– Вернись до рассвета. Угу?

Из клуба я летела на крыльях. Мы прогуляли всю ночь. Для меня – одно мгновение.

– Толик, тебе пора домой, – я так не хотела, чтобы он уходил, – Уже рассвет. Иди.

Но он так же, как и я не хотел расставаться.

– Встретимся завтра?

– На танцах?

– Буду ждать.

«Уже жду», – ответило сердце.

Наши руки разъединились.

Глупо улыбаясь, залезла к сестрам под одеяло.

– Наташка! Ты видела, сколько времени? Мы чуть с ума не сошли, тебя дожидаясь, – Наденька сердилась. Только в минуты гнева я слышала «Наташка».

– Сестричка, ну не сердись! Мне так хорошо! Мне никогда не было так хорошо! – я все ещё глупо улыбалась.

– Ну, рассказывай, – голос смягчился, – Что вы делали?

– Гуляли. Просто гуляли.

– Всю ночь? Где можно гулять всю ночь? Целовались?

– Мы просто держались за руки!

– Да, сеструня, ты попала, – Лида пристально смотрела мне в лицо.

А я и не хотела отрицать. То, что творилось в моём сердце, говорило об одном, я не просто влюбилась – я полюбила. Не имело значения, что сегодня мы встретились в первый раз. Если бы мне сказали отдать за него жизнь, я сожалела бы только об одном – что мы так мало были рядом. Всё потеряло смысл. Если бы он был подлец – я бы его любила. Если бы он украл – я бы его любила. Если бы он убил – я бы его любила. Это не зависело от меня. Просто было так, и всё. Спорить было бесполезно. Любовь не открыла душу нараспашку – пинком снесла дверь с петель.

Лежа в предрассветной тишине, я с отчетливой ясностью поняла, что до сих пор не жила. ОН разбудил во мне то, о чем я даже не подозревала. Оказалось, в пацанке жила девушка, которая хотела быть красивой, яркой, нарядной. И главное – любимой. Это создание было таким наивным, нежным и хрупким, как цветок, раскрывающий лепестки. Все перестало иметь значение. Был только ОН. Жизнь разделилась на «до» и «после».

Всё с той же глупой улыбкой я встретила первый рассвет новой жизни. Встретила другим человеком...

Глава вторая

День тянулся бесконечно долго. Руки что-то делали, рот произносил слова и даже смеялся над подтруниваниями сестёр. Но все остальное внутри жило одним – ожиданием встречи. Минуты тянулись все дольше. Ближе к вечеру стали часам, оттягивая миг долгожданного свидания. Никогда еще так тщательно я не накладывала макияж. Не знала, как уложить волосы. Все старания разочаровывали. Хотелось быть не просто своим симпатягой-парнем-другом, хотелось быть женственной, красивой, желанной. Я не умела этого.

Спортивный способ жизни одевал в спортивные одежды. Я предпочитала удобство и практичность. Мамаины попытки нарядить свою девочку в рюши и бантики с раннего детства вызывала бурные протесты. В последний год «levi straus» практически не выпускали меня из своих объятий. Когда отец принес нам новенькие, пахнущие чем-то незнакомым, запрещенным, джинсы – прыгали до потолка. Это был нереальный подарок! В городе единицы могли пошить в таком прикиде. Мы даже не мечтали в самых потаенных уголках души, только провожали завистливыми взглядами редких счастливых обладателей. Месячная зарплата родителей на двоих была 240 рублей, а джинсы стоили 100! На черном рынке такие штанишки зашудалых производителей продавали уже по 200 за штуку. Американские стартовали от 250—

300. Нереально огромная сумма для нашей семьи. Кровавых мозолей стоили отцу эти штаны! Как он их достал? Сколько переплатил на черном рынке? Ни мы, ни мать, не имели ни малейшего представления...

Видя мои мучения, сёстры, в который раз! пришли на помощь. После многократных неудачных попыток уложить волосы мои придирчивые парикмахеры заставили вымыть от лака и высушить голову. Умыли покрашенное лицо. Высушили и тщательно расчесали гриву непослушных кудряшек, превратив их в прекрасные волны. Так и оставили. Глаза не подводили, только подкрасили ресницы. Мягкие пастельные тона на веках. Все дополняла нежно-розовая, почти невидимая, помада.

Незнакомка смотрела из зеркала. На вид ей было максимум пятнадцать. В отражении был кто-то другой. Рассматривая девушку в зеркале, постигала себя иную, неизвестную никому. Даже себе. И все же это была я. Платье-сарафан из легкого летящего шифона облегал лиф и стройную талию, свободная развевающаяся юбка, невесомо охватывающая стройные ножки, при любом движении воздуха обнажала колени. Наряд дополняли босоножки-колодки на высоком каблуке. Подошва была вырезана из самой настоящей слоновой кости! Подарок мамы. Это чудо было у нас с сестрой одно на двоих...

С этими босоножками у Надюшки была история. Одна-

жды дома, в городе, сестра засиделась у подруги. На обратной дороге заметила, что её преследует мужчина. Она быстрее – он тоже прибавлял темп. Сестра уже почти бежала. Шаги настигали.

Дорога домой проходила через парк. Вокруг – ни души. Надя начала снимать на бегу эти самые колодки, чтобы прибавить скорости. Преследователь нагнал её, схватил за юбку. Недолго думая, испуганная девушка влепила ему с разворота каблуком прямо в центр лба со всей имеющейся силы. Мужик матюкнулся, и завалился на бок. Рассвета мы ждали в огромной панике. Наперегонки бежали посмотреть, не лежит ли труп. Я проносила эти босоножки лет десять. Верх пришел в негодность, а колодка оставалась в такой же отличной форме. Менялись только набойки.

Впервые я надела платье.

– Это я?

– Малышка, ты выросла, – нежность, с какой сестренка сказала эти слова, глубоко тронула мое сердце. Навернулись слезы.

– Так, плакать не будем, всю красоту испортим, – быстро-быстро заморгали её ресницы.

– Я сейчас тоже зареву, – Лида сгребла нас в кучку и крепко-крепко обняла. Громко засопела. Мы весело рассмеялись. В этот раз мы пришли, чуть ли не первые. ОН все не шел.
– Натали, фильм начинается. Пошли в зал.

Глаза смотрели на экран, а мозг лихорадочно работал. Состояние эйфории, сохранявшееся весь день, сменилось тревогой. «Неужели я ошиблась? Не понравилась ему. Конечно, кому может понравиться такая. Постоянно в компании парней, джинсах и футболке, косичка эта вечная, с колодца ныряю. Молчала весь вечер, глупо улыбаясь, как безмозглая дура. Ещё и драчунья. Наверное, ему все про драку рассказали. Разве такая может нормальному парню понравиться? ОН ПОВЕРИЛ СПЛЕТНЯМ про Серёгу!» – яркой вспышкой пронзила мысль. Королева Анна постаралась – что только обо мне не говорили! Я была падшая женщина. Трёп первое время приводил меня в бешенство, но на каждый роток не накинешь платок и со временем я перестала обращать внимание. Тревога сменилась паникой. «Только бы увидеть его и все объяснить! Рассказать, как было на самом деле. Ведь никто ничего не знает. Я все объясню! Я все расскажу! Только бы увидеть!» – мысли ураганом проносились в моей голове. Надежда сменила отчаянье. «А если он не поверит мне?! Чем я смогу доказать? Вдруг не захочет меня даже слушать. А если он **ВООБЩЕ НЕ ПРИДЁТ?** Что же мне делать?» – рушила свои надежды и погружалась в ещё более глубокое отчаянье.

С трудом досидев до конца фильма, первой сорвалась с места. Титры еще шли, а я уже металась среди собравшейся молодежи в поисках дорогого лица. Обойдя все закоулки несколько раз, вернулась. Танцы начались и пары кружили,

отдаваясь во власть музыки. Мне было плевать. Отклонив пару приглашений, я сидела на той же скамье. Мысли покинули голову. Осталось ожидание. После безуспешных попыток вытащить печальную девушку в круг, сестры лишь сочувственно поглядывали в мою сторону. Я не замечала ничего вокруг. Мой взор был прикован к двери. Каждый стук заставлял сердце подпрыгивать в надежде и разочарованно падать обратно в состояние того же томительного тревожного ожидания.

Танцы закончились. Свет в душе так и не зажегся, в двери не показался желанный силуэт. С тяжелым сердцем покидала знакомый зал. Уверенная в полном крушении всех чаяний, я ни о чем не могла думать. В голове было пусто. Надежда заставила в последний раз окинуть взглядом площадку.

ОН БЫЛ ТАМ! Стоял в кружке ребят и девчонок, оживленно что-то обсуждая. «Он здесь!» Сердце бешено забилося. Я задохнулась от радости. Через мгновение оно забило молотом ещё сильнее. «Он здесь и не подошел ко мне! Он меня знать не хочет». Люди обходили, а я всё стояла и смотрела.

– Пойдём? – сестра взяла меня под руку.

«Нет», – кричал голос глубоко внутри, а ноги механически выполняли свою работу. Мы растворились во мгле. Сердце больше не пело...

Каждый шаг отдалял от него, уничтожая надежду, всё ти-

ше становился гомон. Я не могла в это поверить. Неужели глупые сплетни озлобленной парочки смогли разрушить то, что я не успела создать? Слёз не было...

Глава третья

Мы медленно плелись знакомой дорогой. Ребята трещали без умолку. Я понимала – старались для меня, хотели развеселить. Вскоре совсем перестала их слушать и погрузилась в себя. Когда на мою талию легли руки – подпрыгнула от неожиданности.

– Ты почему меня не подождала? Я не заметил, как вы ушли из клуба. Пришлось догонять.

Меня осторожно прижимал к себе самый желанный человек в мире. Сёстры тайком вздохнули облегченно. Душа ликовала – ОН здесь, рядом, его руки касаются меня! Все дурные мысли испарились мгновенно.

Толик взял меня за руку. Сердце выводило серенады. Луна засияла, воздух наполнился ароматами, мир изменился. До этого луна была обычным небесным светилом, лес – просто деревья, пение птиц – да я не слышала их раньше. Как будто я спала и вдруг проснулась. Глаза открылись, и я увидела совершенно отчетливо, как прекрасен мир, как огромно разнообразие восхитительной природы. До этого я была слепа и глуха. Не замечала, как зачаровывает шелест листья и чудесны трели соловья. Это открытие изумляло. Вместе с НИМ в один миг я полюбила всё, что окружало меня долгие годы.

Я осознала, жизнь – как сверкающий не оговоренный ал-

маз. Сверху просто неприглядный камень. Но стоит согреть его рукам ювелира, очистить от грязи, приласкать, шлифуя – и рождается чудо. Вдруг с удивлением видишь множество сверкающих таинственным светом граней, и все они прелестны. Моим мастером камня оказался обыкновенный сельский парнишка с доброй душой и открытым сердцем.

– Ты сегодня похожа на нимфу – такая же лёгкая и воздушная. Любовался бы и любовался.

Откровенное восхищение привело меня в радостное смущение. Старания сестер не пропали даром.

– Так почему ты меня не подождала?

Парочки разошлись, и мы брели в одиночестве.

– Думала, ты не хочешь меня видеть.

– С чего бы это? – я услышала улыбку.

– Ну, мало ли, – что-либо объяснять уже не хотелось.

– Ты что-то не договариваешь.

– Обо мне много всякого говорят, – постаралась уйти от ответа.

– Ты о Серёге? Так все знают, кто есть кто.

От сердца отлегло. Разговор на сложную тему оказался совсем не трудным.

– Девочка моя, ты думала, что я поверю сплетням? Разве я мог? Все всё поняли ещё в тот вечер. Когда ты кулаком заткнула Фёдке рот. А твое «Всей деревне расскажу, как малолетка тебя с чердака спустила» – притча во языцех.

– Откуда ты знаешь? – глаза округлились.

– Твоя соседка сидела на лавочке с парнем, все слышала и видела. Она рассказала, когда ты ушла, после того, как Фёдке зубы повыбивала.

– Да. Неудобно с ним вышло. Не знаешь, как он?

– Маленько зубов не хватает, а так ничего. Жить будет.

Мы вновь прогуляли до рассвета.

– Уходи. Тебе пора, – «Нет! Останься ещё»!

– Ещё пять минут.

– Уже рассвет. Иди, – «Как быстро летит время»!

– Не хочу уходить.

– Встретимся на танцах? – «До танцев ещё целая неделя.

Как я выдержу?»

– На танцах? Я не смогу не видеть тебя целую неделю.

Давай завтра? Возле

леса.

– Вечером? Во сколько? – сердце радостно подпрыгнуло.

– В девять. Буду ждать. Не опаздывай.

– А если опоздаю?

– Буду ждать...

Мне было так хорошо просто находиться рядом. Сердце отворило двери отличному парню. Слава Богу, он не был подлецом, вором и убийцей. Толик был открытым и честным. Ещё не затихли звуки его шагов, а ожидание уже сжало меня в своих объятьях...

Мы бродили по прекрасному летнему лесу. Птицы пели,

звезды сияли, но мои счастливые глаза светились ярче звезд. Он рассказывал о себе, а я внимательно слушала. Мне хотелось узнать все о дорогом человеке. Толик обожал джазовую музыку. Любимым инструментом был саксофон. Любимым исполнителем – Феликс Словачек. Он мог говорить о музыке часами. Я полюбила джаз, даже ни разу не слыша. Сколько километров мы проходили за ночь один Бог знает. Просто бродили, взявшись за руки. А с рассветом вновь расставались, ожидая новой встречи.

Мы перестали бывать на танцах, они нас больше не привлекали. Свет замкнулся на одном человеке. Я любила его так, как любят впервые, всем сердцем, без условий и рассуждений. С ним я поняла, что мир огромен и многогранен, наполнен множеством вещей, которых я не знала, не понимала, но полюбила, потому что любил он.

Толик не торопил меня с объятьями и поцелуями, а мне и так было хорошо. Однажды, гуляя по лесу, мы услышали ту песню, под которую танцевали в первый раз. Что-то со мной случилось. Я остановилась и поцеловала его. Сама. Это было ни с чем несравнимые ощущения! Мозг перестал работать. Тело жило своей собственной жизнью. В момент поцелуя волнение достигало таких высот, что весь мир прекращал существование. И мне это нравилось. Трогая по утрам опухшие губы, я уже не называла их сардельками и жаждала повторения снова и снова. Мы могли часами стоять, просто обнявшись. Тот, кто любил, поймет, что я чувствовала тогда.

Горячие угли? Битое стекло? Ха! Ради него я готова была не на многое – практически на все.

Толик в то время закончил восемь классов. Поступать решил в культпросвет училище по классу саксофон. Когда он ездил сдавать экзамены я молилась о нем. Никогда ни за кого я не просила Господа. Только за маму, когда она три года была практически парализованной...

– Люблю тебя.

– И я тебя.

– Ты моя жизнь.

– А ты моя.

– Живу тобой.

– Дышу тобой.

Как мало слов, чтоб выразить чувства! Разве можно описать, что происходило внутри меня? Состояние эйфории не покидало воспаленный любовью мозг. Два месяца пролетели, как два дня. Пора было ехать домой. Меня ждал восьмой класс школы...

– Я не смогу без тебя.

– Целый год! Ты будешь писать?

– Каждый день. А ты?

– Буду думать о тебе каждую минуту.

– Люблю тебя.

– Люблю тебя.

– Целый год!!!

– Я уговорю маму, а она уговорит папу отпустить меня

к тебе на Новогодние праздники! – озарила мысль.

– А это возможно?

– Родители доверяют нам. Я думаю, все получится.

– У меня тоже тебе подарок, – Толик вытащил из пакета пластинку! «Феликс Словачек. Саксофон» с памятной надписью на конверте, – Слушай и вспоминай...

А следующим утром междугородный автобус увозил меня все дальше и дальше от моей первой наивной всепоглощающей любви...

Глава четвертая

Возвращение в родной дом было радостным. Мы очень любили родителей и, несмотря на богатые событиями лето, конечно скучали. Виниловая пластинка прожигала в душе дорожки нетерпения одну за другой. Я держала её в руках, как тончайший хрупкий хрусталь. Дома был отличный проигрыватель. Дорога от этого удлинилась, как минимум раза в два. Мне ужасно хотелось услышать музыку, которая покорила сердце моего любимого. Глаза, не отрываясь, раз за разом, читали четыре строчки

Дорогой Наташеньке.

В память о лете.

1986 г.

Подпись.

Я все перечитывала и перечитывала. Переживала вновь и вновь ощущения прикосновения, чувствовала запах тела, разогретого жарким солнцем. «Я буду беречь тебя, как зеницу ока. Пока ты будешь со мной, мы будем вместе», – шептала кусочку винила и гладила пальцами дорогую подпись...

Первое, что сделала, поцеловав родителей – подбежала к проигрывателю и поставила иглу на диск. Была уверена – музыка будет хорошей. Но то, что услышала из динамиков, просто поразило меня. Звуки были столь прекрасны и вол-

нующи, что затрагивали самые дальние струны моей влюбленной души.

Играл виртуоз. Мелодия порхала с ноты на ноту, создавая нечто такое, что недостаточно просто назвать хорошей музыкой. Молитва души. Саксофон не играл – он возносил песнь небу, в которой было все: любовь и страдание, отчаянье и надежда. Взывала мольба, его голос плакал и смеялся.

Эта музыка была так нова и волнующа, что я не смогла удержать чувств. Слезы брызнули из глаз. Убежала в свою спальню и бросилась на кровать. Родители изумленно смотрели в след.

– Доченька моя, ты влюбилась? – мамины руки ласково гладили вздрагивающие плечи. Я молчала. Все было и так понятно. Она ощущала наше настроение, видела когда её девочкам хорошо, а когда плохо. Положив голову на родные колени, обняла за талию самого-самого близкого человека, и как в детстве прижалась лбом к животу.

– Он тебе так сильно нравится?

Утвердительный кивок головой.

– Что ты в нем увидела? Какой он? – мама продолжала гладить меня по волосам. Комок в горле не давал говорить. Руки только крепче прижали лоб к животу.

– А он любит тебя?

Очень энергичные кивки.

– Хоть бы он не разбил тебе сердца.

– ОН очень, очень, очень хороший, – первые слова, после

приезда домой.

– Дай Бог, моя девочка, дай Бог...

Проигрыватель одну за другой воспроизводил волшебные мелодии...

Начался учебный год. Я знала, что он в школе последний, твердо решила не идти в десятый класс. Профессию уже выбрала. Родители мечтали видеть меня врачом или учителем (престижнее работы в то время для женщины трудно было придумать). Отец и мать были строители и четко знали, как нелёгкок тяжелый физический труд. Хотели для своей доченьки легкой доли. Врача я отмела сразу. Слишком больно смотреть на страдающих людей. А вот с детьми я ладила. Обожала этих вечно визжащих, кричащих и бегающих созданий. С четвёртого класса у меня были подопечные первоклашки. Мы дружили уже четыре года. Всегда любила возиться с ребяташками, они как цыплята за наседкой ходили следом. Наши встречи происходили каждый день. Иногда мои подопечные прибегали на переменах в слезах решить свои неразрешимые проблемы.

В то время была очень популярной ритмическая гимнастика. Прыгая дома под музыку, я в совершенстве изучила курс упражнений из книжки, которую достала мама на время. Однажды учитель физкультуры увидел мои выкрутасы (школьные подружки тоже хотели научиться) и предложил проводить занятия для всех желающих школьников младше-

го крыла. Желаящих оказалось много и пришлось скакать с ними четыре раза в неделю. Мне это нравилось, чего греха таить. Мы с детьми находили общий язык. Каждое занятие было праздником. Решение созрело. Я хотела стать педагогом.

Разлука не была для меня так тяжела, как я предполагала. На чувства не влияли километры. Всё моё существование превратилось в ожидание. Огромное, как кокон, окружающее поле. А в его глубине – хрупкий аленький горящий цветок пылающего сердца. Птицы по дороге из школы всё так же прекрасно пели, осенние цвета радовали глаз. Я жалеяла, что этой красоты не видят дорогие глаза.

Лесов в наших краях было мало и все не близко. Зато прямо за домом был огромный лиственный парк. Немалую часть его составляли алеющие золотой осенью клёны. Буйство красок восхищало своим разнообразием. Гуляя среди пестрой осенней листвы я перечитывала в сотый раз очередное долгожданное письмо. Мы писали много и часто, доверяя бумаге самое сокровенное. Каждый день я мчалась из школы к заветному ящику.

Толик уже был студент, и новая жизнь меняла его письмо от письма. Я улавливала между строк малейшие перемены во взглядах любимого. Он становился взрослым. Принимая день ото дня самостоятельные решения, юноша превращался в мужчину. Когда ящик был пуст, я знала – весточка просто задержалась в пути и терпеливо ждала следующего дня. Я

любила его так же, как в момент первой встречи. Невозможно любить больше или меньше. Можно любить или не любить совсем. Это симпатия измеряется шкалой – у любви линейки не существует. Здесь все просто – либо да, либо нет. В моём случае сомневаться не приходилось. Любовь окутала с ног до головы.

Моменты взросления дорогого человека не изменили его отношения ко мне. Знала, он все так же любил, как и я. И так же, как я, ждал встречи.

Жизнь продолжалась и была ключом из прирожденной оптимистки. Занятая весь день школой, с малышкой, занятиями аэробикой, я успевала сбегать на занятия оркестра – мы играли легкий джаз. Музыка из подаренной пластинки настолько впечатлила меня, что я заразила любовью к ней ребят, и мы не покладая рук пытались снять партитуру и выучить хоть что-то похожее. Но, ни на миг я не отпускала любимый образ из своих мыслей.

Приближался Новый Год. Этот праздник родители всегда проводили дома. Собирались весёлой компанией. Друзья приводили своих детей, и в другой комнате у нас было своё застолье и своё веселье. Откладывать непростую просьбу я больше не могла. Толик просил ответить, приеду ли я на праздники. Сестричка тоже хотела увидеть Ваню. В один из дней я решилась и подошла к маме.

– Мам. Тут такое дело, – я замялась.

– Доченька, ты хочешь поехать на Новогодние праздники

в деревню?

– Как ты догадалась? – мама в который раз удивила меня.

– Папа уже заказал для вас билеты и позвонил бабушке. Это вам наш Новогодний подарок, – раскрыла объятия навстречу счастливой дочери.

– Мамочка! Спасибо, спасибо, спасибо.

– Одно условие. Ты хорошо закончишь учебный год. И вы поедите всего на неделю. Наде нужно сдавать сессию.

Сестра училась в технаре и её ждали экзамены.

Родители подарили нам необъяснимо дорогой подарок. Даже в самых смелых предположениях я не мечтала о таком. Думала, мне долго придется уговаривать строгого отца. Мама все сделала за меня.

До поездки оставалось двадцать семь дней. Они тянулись дольше, чем все остальные вместе взятые месяцы разлуки.

Наконец, этот миг настал, и мама с папой посадили нас в поезд. «Быстрее, быстрее» – стучали колёса. Каждый оборот приближал момент нашей встречи, съедая километры и сокращая расстояние. Радость не покидала душу. Я увижу его. Приближение свидания заставляло кровь бурлить в жилах...

Под размеренный стук, утомленная суетным днем, я, наконец, уснула.

Глава пятая

Зима. Темнело рано. Вечер был бесконечным. Стрелки часов остановились. Сестренки в радостном ожидании крутились у большого зеркала.

Всего семь, а я, уже одетая, час не отрываю взгляд от старого будильника. «До девяти еще два часа. Ещё два часа. Плюс дорога, минут тридцать. Ещё два с половиной часа и мы встретимся... А вдруг он не придёт на фильм, а только на дискотеку? Тогда ещё плюс два часа». Мозг складывал цифры, часы, минуты и эта глупая арифметика успокаивала нервы.

Мне нравились точные науки. Физика, алгебра, геометрия – любимые предметы. В них все было четко, понятно и разложено по полочкам. Физику обожала. Учеба всегда давалась мне легко. Достаточно было выслушать внимательно урок. Домашние задания выполнялись за полчаса. Когда мы перешли учиться в шестой класс, старшие ребята пугали нас: «Вот начнётся физика, узнаете, почему фунт лиха». Учитель был огромный строгий мужик с тяжелым взглядом. За всю учебу я ни единого раза не слышала, чтоб он повышал голос, но тишина на его уроках была мертвая. У кабинета ученики стояли у стеночки и усиленно пытались заучить наизусть хоть что-нибудь. На первые занятия страшного учителя я

не попала. Была больна. На следующее пришла довольная. На уроке не была – учить не надо. Такая отговорка срабатывала всегда, без исключений. Все стоят, зубрят, а я ж была больна, значит, в безопасности, к доске не вызовут. Глупышка. Я испытала настоящий ужас, когда прозвучало мое имя.

– Я была больна. Не была на уроке, – мне реально стало страшно.

– Ты живешь на необитаемом острове? Давай. Потенциальная и кинетическая энергия и их взаимосвязь.

Что-то я читала про это, но даже эти малые крохи от страха выветрилось из головы.

– Давай начнем с того, что такое кинетическая энергия, – он видел, что обо всём этом я имела очень смутное представление. Наводящими вопросами буквально заставил вывести закон о превращении кинетической энергии в потенциальную. Он точно знал, что я книжку в глаза не видела, но не вlepил двойку, а помог понять что физика – это наука про то, что нас окружает и заставил полюбить предмет. Тогда я получила первую пятёрку. Он оказался отличным мужиком. Очень добрым и ироничным. Не понимаю, почему его так боялись ученики? По дороге домой после очередной олимпиады он всегда покупал нам батон колбасы и буханку ароматного, с запеченной корочкой, настоящего житного хлеба. Запах детства...

Оторвать глаза от циферблата заставил стук в окно. «Кто

это? Ваня? Рано ещё!»

– Наталка, до тебе прийшли, – крикнула тетка в приоткрытую дверь.

Я не могла заставить себя подняться. Не могла поверить в такое счастье. Боялась, что за дверью кто-то другой. Не ОН.

– Что сидишь? Тебя же ждут, – подтолкнула сестра.

Внутри сработала пружина. Две секунды – была за дверью. Знакомый силуэт маячил за калиткой. За спиной выросли крылья, я буквально подлетела к любимому.

– Я не мог выдержать больше ни минуты, – слова потонули в объятьях, – Девочка моя, как я соскучился! – шептал любимый, осыпая лицо поцелуями. Я говорить ничего не могла. Комок стоял в горле. Ни одного звука – задыхалась от счастья. Сердце стучало в ушах. Губы встретились. Слова иссякли...

В этом поцелуе было всё: радость встречи, огорчение от скорого расставания, тоска темными одинокими вечерами и главное – любовь. Его любовь ко мне, его девочке...

Мы обошли все дорогие сердцу места. Зима придала им особое очарование. Река замерзла и только в колодцы мощным потоком падала вода. Брызги сверкали в лунном свете яркими искрами. Зимний лес встретил сказочной тишиной и был неописуемо красив. Молодые ёлочки, осыпанные пушистым сияющим снегом, отражали звёзды, переливаясь алмазными бликами. Глубокий снег позволил нам поваляться и поиграть в снежки. Было очень хорошо. Я не могла налю-

боваться дорогими чертами. Поцелуи согревали озябшие руки. Но куча теплой одежды разделяла нас, мешала прижаться крепче. Зима вносит свои коррективы. Мы окончательно замёрзли.

– Пошли ко мне. В нижней хате никого нет. Хоть погреемся.

Теткин дом был разделён на две половины. В одной они жили, другая была для торжественных случаев. Стояли две кровати, застеленные покрывалами. Сверху, в четком порядке, одетые в накрахмаленные и выглаженные, любовно вышитые почти живыми цветами наволочки, возвышались подушки. Там же стоял длинный стол и две большие скамьи с обеих сторон. Сделаны они были из дерева, спинки украшены резьбой. Очень красиво.

Только мы устроились присев на кровать, дверь тихонько открылась. Лида с Димой неслышно проскользнули внутрь. Любимый положил мне палец на губы. Мы затаились. Ничего не заметив, в темноте они оккупировали вторую кровать. Я со всех сил сдерживала смех. Ещё через пару минут дверь вновь открылась и все повторилось. Целоваться влюблённые начали прямо у порога. Этого уже выдержать ни я, ни Толик, не могли. Громкий ржач огласил комнату.

– Наташка! – Лидин заливистый перезвон присоединился к моему. Я смеялась так, что начались колики. Никак не могла остановиться. Свет озарил комнату.

– Тю, дурочки, – Надюшино обескураженное лицо вызва-

ло новый приступ смеха. Суровая зима всех согнала в тёплый дом. Обнимаясь в темноте, до утра травили анекдоты...

– Завтра встретимся?

– Уже сегодня.

– Когда?

– Я зайду.

Знакомый стук прозвучал, как только стемнело. Двадцатиградусный мороз не располагал к прогулкам, холодно бродить по деревне. Остались дома. Девчонки испарились, оставив нас одних.

Страстные объятия и поцелуи вводили в транс. Мы никак не могли оторваться друг от друга. Длинной зимней ночи было мало.

– Ты меня любишь?

– Всей душою.

– Ты скучала?

– Ужасно.

Так продолжались до утра.

– Иди. Уже светает.

– Ну, еще пять минут.

Следующий день был Новый Год. Решили встретиться на танцах, повидать друзей, поздравить, потанцевать, а потом пойти к нам праздновать. Так и сделали. Повеселились от души. Компашка изъявила желание присоединиться. Никто не возражал, накрытый стол ломился от избытков.

Часов до четырех толпа гудела, а потом все разбрелись

и мы остались, наконец-то, одни. Не нужно было слов. И без них все было понятно. Он любил меня, а я его. Этого было достаточно. Зацелованная допьяна, на рассвете я провожала любимого.

– Ты придёшь?

– А ты будешь ждать?

– Уже жду.

– Завтра мы увидимся в последний раз. Я должен уехать.

Сессия.

– У Нади только через пять дней. Как мало мы были рядом!

– Но у нас ещё целая ночь впереди.

– Не будем грустить...

Ничего не изменилось. Огонь в моём сердце разгорался все ярче. И только предстоящая разлука отрезвляла одурманенную голову.

– Не будем грустить, – повторила, – Буду радоваться каждому мгновению, проведённому рядом с ним.

Лежа в кровати мечтала ли я о белом платье? Или о пышной свадьбе? Или о том, что ждёт нас дальше? Хотела ли я провести всю жизнь рядом с ним? Мне даже в голову не приходили такие мысли. Я просто была счастлива, что он есть. Сознание того, что твой любимый всего в паре километров от тебя спокойно спит и видит сны, может даже о тебе, приносило в душу прилив нежности и умиления...

– Спи, милый, – прошептала. Верила – он услышит...

Трогая опухшие губы и улыбаясь темноте, я нырнула
в объятия бога сна.

Глава шестая

Последнюю ночь мы провели в клятвах и поцелуях. Короткие мгновенья перед долгой разлукой промелькнули в один миг. Расставаясь утром, прощались на долгие полгода. А может даже дольше – мне предстояли выпускные и вступительные экзамены. Не было слез – я была счастлива, он любил меня. Что такое полгода для трепещущего сердца? Всего лишь маленькое препятствие. А барьеры я привыкла брать практически с пелёнок...

Никто не знал, какой огромный трусливый червь жил в детской душонке. Лет в пять друзья мальчишки напугали меня страшилкой про черную-черную руку. Она приползала ночью на своих пальцах, забиралась в кровати и душила детей. Спаситься можно было только под одеялом. Но надо лежать тихо и не дышать – а то она увидит. Маме и папе говорить нельзя, а то она и их задушит.

Рассказчики с круглыми глазами страшным голосом клялись, что видели её. Честно-причестно.

Пока в доме было светло, червячок слегка шевелился, но я знала – он там. Как только свет гас, и воцарялась тишина, он вырастал в огромного жирного питона и заполнял собой все – голову, сердце, руки, ноги. Ужас сковывал тело. Я реально видела огромную черную руку, шевелящую у моего

лица скрюченными пальцами (велика детская фантазия!). Пришла меня задушить! Было так жутко, что я не могла даже заплакать. Укрывшись с головой одеялом, уговаривала себя, что это выдумки, сказки, просто страшилки. Но липкий страх становился все плотнее, сжимая кокон. Под одеялом вскоре лежал маленький круглый комочек – нити страха пеленали в позу эмбриона. Кошмар был так велик, что маленькое тельце практически не дышало. От него даже звенело в ушах. При солнечном свете страх уползал. Просыпаясь утром, клялась себе, что больше не буду бояться. Но всё повторялось снова и снова.

Не помню, сколько это продолжалось, но в одну из особенно темных ночей, в очередной раз переживая запредельный ужас, сильно захотела в туалет. Вариантов было два – или здесь, или пойти темной ночью в туалет. Я терпела долго. Утро всё не наступало. В маленьком сердце рождалась злость на себя. «Это мой дом и я не позволю какой-то черной руке заставить меня намочить кровать». Странно, но принятое решение придало сил. Когда я опустила ноги на пол – обалдела от своей смелости. Питон уменьшался на глазах. Сделала первые шаги по темной квартире. Ноги были пудовыми гирями (всё ещё было очень страшно). Каждый сделанный шаг добавлял уверенности.

Мама проснулась от того, что её младшая девочка хлопала в ладоши и громко смеялась сидя среди залитой ярким светом квартиры. Я чувствовала себя тогда так, как буд-

то не осталось в мире того, чего я могу бояться. Победа над собственным страхом принесла столько жизнеутверждающей энергии, что я запомнила эту ночь навсегда. В моменты особого отчаянья говорила себе: «Ты в пять лет победила Черную руку! Ты можешь всё»...

Разлука не имела значения. Главное – он любил. Я не имела ни малейшего сомнения в этом. Он чувствовал то же, что и я. Любовь была во всём – взгляде, жесте, улыбке. Я физически ощущала исходящие от него волны. Его бережные робкие прикосновения снова и снова доказывали, что я любима. Он ещё был рядом, а я уже скучала.

Толик уехал. Мне нужно было пережить ещё двое суток. Мы уезжали в понедельник.

– Наташ, ну чего ты будешь сидеть одна? Пойдём. С ребятами попрощаешься. Они будут рады.

Сестрички таки уговорили меня пойти на прощанье на дискарь. Встреча с друзьями развеяла мрачное настроение. Я даже потанцевала несколько танцев. Возле новогодней ёлки стояли сиденья. Сидя в уголочке, смотрела на танцующие пары, вспоминая с улыбкой нашу первую встречу...

Рядом уселось тело, вырвав меня из приятных воспоминаний.

– Мне кажется, нам надо поговорить, – это был Сергей.

Я настолько старалась вычеркнуть все из памяти, что это практически удалось. Но он решил воскресить тяжелые вос-

поминания.

– Я уверена, что нам говорить не о чем, – Сергей был выпивший. От него разило самогоном.

Я ненавидела пьяных. А пьяниц – даже слова такого нет. Всё, наверное, началось, когда я впервые увидела маму плачущей.

Был прекрасный летний день. Родители и их кумовья договорились повести нас, детей, купаться на ставок. Реки в нашем регионе по близости не было. Такие походы были не редки и всегда сопровождались радостными событиями. Мы ждали каждого пикника. Веселились, как могут веселиться только дети. Солнце, вода, смеющаяся мама, радостный папа, вкуснятины на столе – сколь мало ребёнку надо для счастья! Взрослые пили вино. Несколько раз я увидела, как мама необычным строгим взглядом смотрела на папу. Уж не знаю, что там у них произошло, но поздним вечером я слышала, как родная женщина тихо плакала в ванной. Маленький детский мозг твёрдо понял – она плачет потому, что папа пьян. Сердечко отчаянно любило отца и поэтому возненавидело вино. Папа не был пьяницей. Выпивал иногда, по праздникам, но никогда не упивался, был бодр и весел.

Сидеть рядом с пьяным Сергеем, выясняя отношения, не было никакого желания. Я встала и пошла в круг танцующих. Ещё через полчаса он был в полном атаксе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.